

По ее следам

Автор:

Т. Ричмонд

По ее следам

Т. Р. Ричмонд

Психологический триллер (АСТ)

Алиса Сэлмон – молода, талантлива и амбициозна.

Впереди у нее – целая жизнь...

Точнее, могла бы быть. Если бы однажды ночью она не утонула при весьма загадочных обстоятельствах.

Никто не знает, что это было: самоубийство, несчастный случай... или убийство?

Все, что осталось после нее: дневники, имейлы, переписка в соцсетях...

Возможно, именно среди них и кроется разгадка случившегося.

Но найдется ли тот, кто сможет по крупицам собрать ее жизнь – и узнать истину?..

Т. Ричмонд

По ее следам

T. R. Richmond

WHAT SHE LEFT

© T. R. Richmond, 2015

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Изабелле. Спасибо тебе за все

Посвящение профессора Д. Ф. Х. Кука в книге «По ее следам», опубликованной в сентябре 2013 года:

Посвящается Алисе Сэлмон (7 июля 1986 г. – 5 февраля 2012 г.) и Фелисити Кук (род. 16 октября 1951 г.).

Без первой не было бы этой книги, без второй не было бы меня.

Пролог

Статья в журнале «Артс каунсил», 2001 г.

Что в имени? Именно этот вопрос мы задали нашим юным читателям на ежегодном конкурсе молодых талантов и попросили их написать эссе длиной в одну тысячу слов. Вот ответ победительницы, пятнадцатилетней Алисы Сэлмон.

Меня зовут Алиса.

Наверное, на этом можно было бы закончить. Ведь я-то знаю, что хочу сказать. Я – это я, Алиса Сэлмон. Высокая, вполне обыкновенная и с большим размером ноги; мои волосы вьются при малейшей влажности. Часто переживаю по мелочам, жить не могу без музыки и считаю себя заядлым книжным червем. Люблю природу, но умираю от страха при виде паука.

Обычно все зовут меня Алисой, но иногда – Ал, Али или Лиссой, хотя я терпеть не могу последнюю версию. Когда я была маленькой, у меня была куча разных прозвищ – Али-Баба или Лиса, например, – но больше всего мне нравилась «Оса», особенно когда меня так называл папа.

Дядя зовет меня Лаисой – это анаграмма имени Алиса, правда, иногда я путаю анаграмму с анахронизмом. «Как раз про меня, я уже старый дед!» – всегда заявляет папа, когда речь заходит об анахронизмах. Хотя на самом деле слово «дед» не анахронизм, а палиндром. Это я вчера узнала.

Мне нравится копаться в таких мелочах, и пусть моя лучшая подруга Меган утверждает, что я похожа на ходячий словарь. Не подумайте, что я хвастаюсь, но раз уж собираешься в университете изучать английский, надо соответствовать. Надо хорошо сдать экзамены и поступить в Эксетер или Ливерпуль – куда угодно, лишь бы не в Корби, хотя, наверное, в любом городе найдутся люди, мечтающие сбежать оттуда подальше. Скажу честно, мне давно хочется уехать от родителей, потому что мама все время лезет в мои дела. Говорит, что переживает, но, по-моему, у нее просто паранойя, а отдуваться приходится мне. Разумеется, последнюю строчку я дописала уже после того, как мама прочитала эссе; она ничего не узнает, потому что победа в конкурсе мне все равно не светит.

Может, мое имя – это музыка, которую я люблю (сегодня тысячу раз переслушивала «Танцы в лунном свете»), или сериалы, которые я смотрю (обожаю «Бухту Доусона»!). А может, это мои друзья или мой дневник? Или воспоминания о всяких мелочах – хотя память у меня паршивая, признаюсь сразу.

Может быть, это моя семья? Мама, папа и брат, который вечно звал меня Крысой, Зализой и Капризой – верх остроумия, ничего не скажешь. Или я – это мои

будущие дети? Хотя нет, детей у меня не будет: подгузники, пеленки, сопли, слюни – спасибо, я как-нибудь без них проживу. У меня даже парня нет. Но если это сочинение попадется на глаза ДиКаприо, пусть он знает: в пятницу я совершенно свободна...

«Ты еще передумаешь», – говорит мне мама, когда я рассуждаю про детей. Но мама и про спаржу точно так же говорила, а меня по-прежнему от нее тошнит.

Может быть, это мои планы на будущее, мечты о путешествиях или добрые дела, которые я совершила в назидание потомкам, например, когда работала волонтером в центре для глухих (классный у меня нимб, правда?), или мой самый худший поступок (не спрашивайте, даже под пытками не признаюсь!).

Я могла бы рассказать про самый счастливый день в моей жизни. Нелегкая задачка – выбрать что-нибудь одно: когда мы с Мег ходили на концерт Энрике Иглесиаса, или когда я вживую видела Джоан Роулинг, или когда дедушка устроил мне пикник на день рождения. А может, «самый счастливый день» в моей жизни еще не случился? Кто знает, что будет завтра?

Иногда можно описать какой-то объект, рассказав про то, чем он не является (я только что погуглила, кажется, это называется «апофазия»). Вполне может быть, мое имя – это те дела, которыми мне следовало бы заняться вместо этого сочинения: например, сделать домашнее задание по математике или вывести мистера Пса на прогулку.

Раньше мне хотелось, чтобы в мире было больше знаменитостей с таким же именем, как у меня. Не суперзвезд, а кого-нибудь попроще: если кто-нибудь произносит имя суперзвезды, все вокруг сразу вспоминают конкретного человека, вроде Бритни или Бьорк. Конечно, есть Элис Купер, но он мужчина, и это не настоящее имя, а псевдоним. Есть еще «Алиса в Стране чудес», которую мне постоянно цитируют: «Все чудесатее и чудесатее...». А мне оттуда всегда больше нравился диалог: «Ты в своем уме?» – «Не знаю. Должно быть, в чужом».

Наверное, я – это вся чепуха, которая тут написана. Попросила маму исправить ошибки, и она заявила, что получилось отлично, вот только первая и последняя строчки подкачали: обычно так начинают речь на собрании анонимных алкоголиков. Что ж, сколько читателей, столько и мнений.

Мама посоветовала переделать пару абзацев, но я не буду ничего приукрашивать, это глупо. Правда, я все-таки убрала сленг и бранные словечки – в первом черновике их было много (это уже седьмой!). Еще здесь очень много скобок и восклицательных знаков, их я убирать не стану, иначе (опять же) это буду уже не я.

«Мы с тобой так похожи, даже пугает», – сказала мама, дочитав эссе. Ну, не ее одну. Иногда мама слоняется по дому с таким видом, будто завтра конец света. Я-то вижу, хотя она притворяется, что все в порядке. (Да, этот абзац я дописала уже после маминой проверки – вот вам и полиция мыслей!)

Папа говорит, что меня в детстве подменили, потому что у нас с ним вообще нет общих интересов. Хотя нет, вру: мы оба любим жареную лосось[1 - Автор использует игру слов. Фамилия главной героини Сэлмон может переводиться с английского как «лосось». – Примеч. ред.]. Забавно, да? Звучит так, будто мы каннибалы.

Меня зовут Алиса Сэлмон. Всего четыре слова, а в эссе должна быть целая тысяча. Хотелось бы верить, что меня нельзя целиком уместить в эту тысячу. Может, когда-нибудь я докажу, что значу куда больше.

Пожалуй, пора заканчивать. Ставлю точку и спрашиваю себя, кто я такая. Я часто задаю этот вопрос. Смотрю в зеркало. Успокаиваю и пугаю себя, люблюсь собой – и ненавижу.

Меня зовут Алиса Сэлмон.

Часть 1. Застывшая в движении

Онлайн-форум «StudentNet», Саутгемптон, 5 февраля 2012 г.

Тема: несчастный случай

Кто-нибудь знает, что случилось у реки? Там толпа полицейских и несколько машин «Скорой помощи».

Опубликовано: Саймон А., 08:07

Парень не врет. У Джонни Р. была тренировка по гребле, он говорит, копы перекрыли весь берег.

Опубликовано: Эш, 08:41

Надеюсь, никто не пострадал. На этой плотине уже несколько человек погибло. Университетской администрации давно пора установить вокруг нее нормальное ограждение. Месяц назад там утонула собака.

Опубликовано: Клэр Беар, 08:48

Ну да, погибли. Но там есть перила! Просто так не свалишься, надо постараться. Не повезло кому-то.

Опубликовано: Вудси, 09:20

Да просто бездомный какой-то, вот и все.

Опубликовано: Биолог Ребекка, 09:54

В твиттере пишут, какой-то парень решил залезть на мост – на спор, во время мальчишника. Упал и ударился головой. Я раньше рыбачил у этой плотины... Зимой там страшный холод. Пара секунд в воде – и ты уже ледышка. Течение жуткое, сразу сносит на середину, а оттуда даже чемпион по плаванию не выберется.

Опубликовано: Грэм, 10:14

Раньше с этого моста постоянно самоубийцы прыгали. Кроме шуток.

Опубликовано: 1992, 10:20

Слушайте, вы, стервятники! Может, хватит? Каково родственникам погибшего читать ваши бредни?

Опубликовано: Джейко, 10:40

Родственники вряд ли полезут на этот форум, Джейко. Здесь общаются унылые неудачники, вроде нас с тобой!

Опубликовано: Мазда Мэн, 10:51

Мой брат работает пожарным, говорит, что это выпускница университета. Девушка по имени Алиса Сэлмон.

Опубликовано: Путешественник-в-Академке, 10:58

А мой брат учился на одном курсе с девушкой, которую звали точно так же. Классная девчонка была, во всех отношениях.

Опубликовано: Гарриэт Стивенс, 11:15

На фейсбуке много девушек с таким именем. Но в нашем универе училась только одна. Последняя запись у нее на стене была вчера днем: «Сегодня будем отрываться во «Флеймс»!» Она что, осталась жить в Саутгемптоне?

Опубликовано: Кэтти-Фанатка-Пэрри, 12:01

ОМГ! Мне только что рассказали про Алису Сэлмон! Не была с ней знакома, но это такой кошмар! У нее ведь не было детей? Кто-нибудь, пожалуйста, скажите, что это вранье!

Опубликовано: Сиротка Анни, 12:49

Полицейских столько, что вообще не протолкнуться. С чего они все сюда примчались? Это что, убийство?

Опубликовано: Саймон А., 13:05

Всем доброго дня. Если речь про ту самую Алису Сэлмон, то мы учились на одном курсе. Она сначала жила в Портсвуде, потом на кампусе в Полигоне. Работает журналисткой в Лондоне, хотя на акулу пера не очень похожа.

Опубликовано: Гарет 1, 13:23

Мы ее называли Рыбка Алиса! Не верится, что она умерла. Может, напишем на фейсбуке сообщение с соболезнованиями?

Опубликовано: Эдди, 13:52

А рыбы не должны уметь плавать?

Опубликовано: Смити, 13:57

Заткнись, Смити! Нашел время для шуток. Урод.

Опубликовано: Линз, 13:58

Она вроде бы встречалась с каким-то парнем из Соутона? Веснушчатая такая, да? Постоянно носила шляпки?

Опубликовано: Милашка Джейн, 14:09

В ближайшее время администрация университета опубликует официальное объявление о произошедшем. Дальнейшее обсуждение считаю неуместным и закрываю эту ветку.

Опубликовано: Администратор форума «StudentNet», 14:26

* * *

Письмо, отправленное профессором Джереми Куком, 6 февраля 2012 г.

Здравствуй, Ларри!

Я случайно узнал страшную новость. И как узнал! Краем уха услышал разговор в профессорской. Коллеги обсуждают все на свете: один жалуется, что поцарапал новую машину, другой рассказывает, что на кольцевой скоро откроют новый супермаркет «Теско», третий рассуждает о политике и выборах в парламент... Но про смерть слышишь не каждый день.

Занятия еще не начались, и я разгадывал кроссворд в «Таймс».

– «Имя, данное коду при крещении», семь букв, – пробормотал я. – Номер девять по вертикали.

Никто не ответил. Впереди меня ждал ад – три часа лекций у первокурсников. Разговоры вокруг продолжались как ни в чем не бывало.

– А что слышно про погибшую выпускницу? Кто-нибудь знает, что произошло? – вклинился Харрис. Все замолчали, выжидая. Этот выскочка умеет привлечь внимание. – Вчера в новостях только о ней и говорили. Утонула в реке.

Я и понятия не имел. Порой мне не хочется включать телевизор: слишком много выдуманных сенсаций и предсказуемых скандалов. А ведь предполагается, что в процессе эволюции мы становимся цивилизованнее... У меня были дела поважнее: я вскапывал клумбы в саду.

– В «Пойнтс саут» считают, что она отлично умела плавать! – заявил кто-то.

– Да, а еще в «Пойнтс саут» считают, что глобальное потепление – это выдумки! – откликнулись с другой стороны.

При упоминании о смерти профессора сразу оживились. Интересно, моя кончина тоже станет поводом для сплетен?

– Она была моей студенткой, – сказал кто-то из преподавателей английского. – Сэлмон, я помню ее фамилию.

Газета едва не выпала у меня из рук. Боже мой. Только не Алиса! Пожалуйста, пусть это будет кто-нибудь другой! Только не моя Алиса!

– Очень любила творчество Сильвии Плат. Знаете, типаж такой – девушки, которым нравятся стихи Плат, – добавила преподавательница. – Хорошая студентка была. Умная.

Постепенно к обсуждению подключились и остальные. Ее обнаружил прохожий, гулявший с собакой; сначала он принял тело за мусорный мешок. Говорили, она отправилась на девичник с подругами и они решили покататься на лодке.

– Это та Алиса Сэлмон, которая окончила университет в две тысячи седьмом? – поинтересовался я, стараясь говорить невозмутимо и равнодушно.

– Да, она, – ответил Харрис.

«Тебя это не касается, Джереми, – твердил я себе. – Больше не касается. Займись кроссвордом. Читай лекции стаду недалеких первогодков, рассказывай им о межкультурных различиях в родственных связях. Съезди вечером к врачу, а потом возвращайся домой и пожарь на ужин окуня». Однако образ Алисы уже стоял у меня перед глазами. Я представил, что в смерти она похожа на Офелию с картины Милле: безмятежное, спокойное лицо, платье едва колышется от водной ряби. Но река Дейн – это не кристально чистый ручей, порожденный воображением Джона Эверетта Милле; Дейн – это мутная вода, коварные течения, сор и крысы. Пока я безуспешно ломал голову над вопросами из кроссворда – раньше я быстро разгадывал все за чашкой кофе, но память уже никуда не годится, – наши сплетники успели рассказать про Алису много нового: она серьезно занималась теннисом и участвовала в национальных турнирах, была вздорной и неуживчивой, а еще говорила на французском, как на родном. Досужие домыслы и ни слова правды.

– А все-таки красotka была, как ни крути, – заявил кто-то из новеньких.

– Да сколько можно! – вырвалось у меня. – Как стервятники над падалью, ей-богу.

– Не нервничайте, профессор, так и до инфаркта недалеко, – язвительно ответили мне.

Потом кто-то процитировал шутку: «После смерти волосы и ногти продолжают расти, а телефонные звонки сходят на нет», – и разговор перешел на какие-то отвлеченные темы. Система здравоохранения, доклад Левесона, профсоюзные переговоры об увеличении зарплаты и последние события в Сирии... А мне вспомнился ее выпускной. Никто не удивился, когда я пришел на студенческий праздник. Что тут такого? Профессор, авторитетный и уважаемый сотрудник кафедры. Маленький винтик огромной университетской системы. Просто хотелось пожелать счастливого пути всем выпускникам 2007 года, проводить их в новую жизнь. Весь вечер я молча стоял в стороне – пожалуй, эту фразу можно написать на моей могиле – и наблюдал за Алисой. Она была совсем взрослой и очень красивой, в квадратной академической шапочке и мантии выпускницы. Я бы многое отдал, чтобы повидаться с ее матерью, но, должно быть, мы разминулись или она просто меня избегала. Элизабет. Бедняжка. Кто принес ей эту страшную весть? Скорее всего, полиция. Патрульные наверняка приезжали к

ним домой – не сообщать же о трагедии по телефону. Не знаю, как Лиз это вынесла – она и раньше была очень ранимой натурой. Помню, как она плакала. Я сейчас не про Алису, я про ее мать. Помню искаженное горем лицо, помню, как она вздрагивала всем телом. Я бросил газету на стол. К горлу подступили слезы, а ведь я не плакал уже двадцать пять лет.

– Индевор! – крикнул мне Харрис с другого конца профессорской. – Имя, данное коду при крещении. Индевор – так звали инспектора Морзе.

Он был прав. Сообразительный паршивец.

Прости, опять я изливаю тебе душу, Ларри, но ты – единственный, с кем я могу говорить начистоту. Стоит только взять ручку (бумажные письма – мы с тобой настоящие динозавры!) и написать дежурное приветствие, как с плеч сразу падает тяжелый груз. Никаких церемоний и недомолвок, можно быть самим собой. Я знаю, что ты сохранишь нашу переписку в тайне, но, кажется, последствий мне все равно не избежать.

Она не заслуживала смерти, Ларри.

Искренне твой,

Джереми

* * *

Биография Алисы Сэлмон в сети «Твиттер», 8 ноября 2011 г.

Изредка пишу в твиттер, часто хожу по магазинам. На все имею свое мнение (почти всегда). Обращаться с осторожностью. Нашедшего просим вернуть отправителю. А пока меня ждет латте с обезжиренным молоком...

* * *

Отрывок из дневника Алисы Сэлмон, 6 августа 2004 г., 18 лет

Ох, как бы мне хотелось иметь нормальных родителей.

Сегодня мама влетела в мою спальню и плюхнулась на кровать.

– Как ты себя чувствуешь?

Вот только нотаций и не хватало. Комната покачивалась перед глазами.

– Это допрос? – ответила я.

– Я за тебя волнуюсь.

Обожаю маму, но если бы она и вправду любила меня так сильно, как говорит, то не стала бы сейчас меня трогать.

– С пьяной девушкой может случиться любая беда, – сказала она и бережно погладила меня по лбу.

И вот опять мама в своем репертуаре: жизнь – это бесконечная череда катастроф. Может, для нее действительно так. Но не для меня.

– С трезвой девушкой тоже всякое может случиться, – многозначительно ответила я.

– Алиса, послушай! Хоть раз послушай меня!

А вот это уже клевета: я почти всю жизнь ее слушала, выбора не было. Скорей бы уехать! Считаю дни до переезда. Жди меня, Саутгемптон, я примчусь к тебе в конце сентября. Мама никак не могла успокоиться, когда я отказалась от места в Оксфорде, все время твердила, что нельзя упускать такой шанс. Вечно она раздает советы направо и налево, а сама даже пальцем не пошевелит. Ждет, что я стану воплощением идеальной дочери – прилежной студенткой-отличницей, которая подыщет себе порядочного мужа и обзаведется среднестатистической

семьей, ну, или монашкой-трезвенницей на крайний случай. Учиться в Оксфорде с толпой напыщенных аристократов – ну уж нет! Теперь она требует, чтобы в следующую пятницу я пришла домой не позже полуночи, а вчера ни с того ни с сего заявила, что мне не стоит ехать на музыкальный фестиваль.

– Знаешь, мам, тебе тоже не помешало бы напиться. А то только мораль читаешь
– со скуки умереть можно.

Скрючившись, будто старушка, она принялась собирать одежду с пола и суетливо бросать ее в корзину для белья. Ну вот, пожалуйста, очередная истерика.

– Господи, мам, да хватит уже! Не трогай мои вещи! Вечно ты всем недовольна.

Мама прикусила губу и разом сдулась, как воздушный шарик, позабытый в углу после долгого праздника.

– Я просто хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Извини, что приходится терпеть материнскую любовь и заботу!

– Мам, я не это хотела сказать...

– А что тогда?

– Нельзя быть такой ханжой! – Я ввернула очередное любимое словечко. Когда я была маленькой, то каждый день записывала в дневнике новое слово – что-нибудь многосложное, необычное и интеллектуальное (кстати, слово «интеллектуальный» вполне могло оказаться в том списке), чтобы произвести впечатление на всякого, кому доведется заглянуть в мои заметки, хотя я никого к ним не подпускала даже на пушечный выстрел. Но старый дневник сгорел, и перед тобой, дорогой мой читатель, новое издание для взрослых! Здесь спрятано то, чего нельзя увидеть со стороны: как в черном ящике на борту самолета. Я веду дневник, потому что никто не хочет меня слушать. Иногда я чувствую себя человеком-невидимкой.

Мама говорит, что будет страшно скучать, когда я улечу из родительского гнезда, и я сразу представляю себя тощим, нелепым и неуклюжим птенцом,

вроде страуса или аиста. От этой мысли мне захотелось отмотать назад последние пару минут и взять свои слова обратно.

– А почему ты никогда не пьешь?

– Долгая история, – ответила мама. – Все очень сложно.

Ну да, конечно. Сложная жизнь у меня! А у мамы – посредственная и скучная работа в строительном агентстве. Она каждый день расхаживает с табличкой на груди – «Элизабет Сэлмон, консультант по ипотеке» – и раздает кредиты бедолагам, которые не могут их вернуть. Мама никогда не рассказывает про преподавание в университете, хотя работать там наверняка было в сто раз интереснее, чем прозябать в офисном болоте. Я снова вспомнила про фестиваль – сообщения от Мег, фотографии Пинк и «Kings of Leon» на залитой солнцем сцене, возвышающейся над лесом поднятых рук, – и тут же почувствовала укол злости.

– Ты просто завидуешь.

– Чему?

– Тому, что у меня своя жизнь! А ты сидишь здесь, как на кладбище.

Я вырубилась сразу, как только она переступила порог комнаты.

Через некоторое время я спустилась на кухню; мама как раз загружала тарелки в посудомоечную машину. Я намазала маслом тост.

– Как ты, уже лучше? Если хочешь, можем пойти прогуляться. Свежий воздух хорошо помогает при похмелье.

Я вяло жевала свой бутерброд. Хлеб был безвкусный, но к горлу сразу поднялась тошнота.

– Алиса, то, что ты сказала... Ты ведь не всерьез?

Я плохо помнила, что успела наговорить. Несколько часов назад у меня внутри лихо крутился сложный механизм, заставлявший произносить жестокие слова и совершать бессмысленные поступки, и теперь я чувствовала себя отвратительно. Виной тому было не только похмелье: мутная волна подымалась и в желудке, и на душе. Я тронула маму за рукав выцветшего розового халатика (папа подарил этот халат ей на день рождения, а я помогла ему выбрать – точнее, выбрала подарок за него). Мне стало стыдно.

Я крепко обняла ее и тихонько расплакалась.

– Тише, тише, моя милая! – Мама погладила меня по спине. – Выпусти пар. Ничего страшного не случилось. Дети вырастают, родителям приходится их отпускать. Когда-нибудь ты меня поймешь. – Я сморщила нос. – Не волнуйся, это будет еще не скоро! – продолжила она. – У тебя впереди целая жизнь. Сначала надо окончить университет. Только представь себе, мои малыши уезжают учиться!

Робби поступил в Дарем и теперь редко приезжает домой. Это лето он провел в Австралии, везучий паразит. Постоянно присылает мне пляжные фотографии и ехидные сообщения: «Как ты там в Корби, неудачница?»

Робстер наслушался историй про наши пьянки и теперь думает, будто я целыми днями бездельничаю, хотя пьянки – это лишь сотая (ладно, ладно, десятая!) доля того, что происходит в моей жизни. Есть еще бег по утрам, горы домашних заданий, волонтерство в ночлежке для бездомных, плюс целых две работы разом – мне, конечно, далеко до Стеллы Римингтон и Аниты Роддик, но я подрабатывала официанткой в бистро и параллельно дежурила в досуговом центре.

– Извини, что нагрубила. Я вела себя как последняя дура.

– Милая, ты мамина дочка...

Потом мы немного посидели в Интернете. Заглянули на сайт Национального союза студентов и на разные университетские сайты – надо было проверить, что нужно захватить с собой (с каждым днем список становится все длиннее!). Потом рассматривали фотографии, на которых студентки играли в хоккей, или бродили парами среди кирпичных зданий, прижимая к себе стопки учебников,

или подбрасывали в воздух квадратные шапочки. Казалось, все это не по-настоящему. Скоро я тоже уеду.

– У тебя все получится, вот увидишь, – сказала мама, угадав мои мысли. – У тебя все будет хорошо.

«Может, это и есть ностальгия», – подумала я, сидя за столом на кухне. Журчание посудомоечной машинки, пол, пахнувший сосновой смолой, пощелкивание бойлера. Может, именно эти мелочи я и буду вспоминать вдали от дома, скучать по ним. Мистер Пес уткнулся носом мне в колени. Похоже, даже он знает о моем предстоящем отъезде.

– А как ты себя чувствуешь, когда пьешь? – спросила мама.

Я чуть не сказала, что, мол, ужасно, но потом вспомнила прошлую ночь. Играли «The Peppers», кто-то из парней взобрался на стол и принялся танцевать, а я залпом опрокинула бокал пунша, подхватила кусочек ананаса с тарелки и подумала: «Эх, если бы так можно было прожить всю жизнь!»

– Наверное, мне становится легче. Я меняюсь, забываю об обычной Алисе.

– Солнышко, это все лишь алкоголь. Все твои чувства, вызванные джином, исчезнут вместе с похмельем!

– Фу, джин! Терпеть не могу.

– Хотела бы я с тобой согласиться, – ответила мама с легкой улыбкой. – Реальность настигает тебя потом, на следующее утро. Сожаления, стыд, наша ссора – вот что самое страшное. Но мы-то с тобой всегда сумеем помириться, всегда, как бы ни ссорились.

Она гладила меня по голове, перебирала прядки, будто я совсем маленькая.

– Ты у меня красавица, – сказала мама.

– Ненавижу с тобой ссориться, – ответила я.

– И я.

– Ты самая лучшая мама из всех, что у меня есть! – Я рассмеялась и вытерла соплю.

– А ты лучшая дочка из всех, что у меня есть!

* * *

Письмо, отправленное профессором Джереми Куком, 7 февраля 2012 г.

Здравствуй, Ларри!

Два письма за два дня – это своеобразный рекорд, особенно в отношении нашей недавней переписки.

Страшно подумать, но смерть пробуждает в людях самые низменные инстинкты. Студенты набросились на новости об Алисе, как голодная саранча, хотя никто из них не был знаком с ней лично. Можешь представить, какие сплетни бродят по кампусу – теперь это главная тема для разговоров, про глобальное потепление все забыли. Студенты не выпускают из рук телефоны, ноутбуки и айпады, постоянно обмениваются теориями. Мотают головами, радостно поддакивают друг другу и обсуждают, обсуждают ее повсюду: в столовой и в аудиториях, в коридорах и в холле у самого входа, стряхивая снег с ботинок, сплетничают, собравшись группками прямо в патио под окнами моего кабинета. Ну вот, я опять говорю «патио» – привычка пускать пыль в глаза, которую я так тщательно вырабатывал, погружаясь в аристократическое притворство старейших университетов. А на деле это обычная бетонная площадка, по которой студенты расхаживают без особой цели – отличная метафора всей их будущей жизни.

В понедельник я сбежал из профессорской в кабинет, сказавшись больным (какая ирония) и уклонившись от собственных лекций. Стал искать новости про Алису. В Интернете много женщин по имени Алиса Сэлмон, однако нужное лицо попало мне быстро – в социальных сетях только о ней и говорили. Кто сказал, что старики не способны освоить компьютер, а, Ларри? Теперь я знаю, как в

наши дни разносятся новости: бесконечная, абсурдная игра в испорченный телефон. Сплетни, обрывки разговоров, реплики, случайно подслушанные в середине неразгаданного кроссворда. И какую же чушь про нее писали! Алиса вовсе не была энергичной блондинкой, борцом за права женщин или акулой пера с Флит-стрит. Плоские, примитивные характеристики! Ее называли бесшабашной, безупречной, легкомысленной, невезучей, глупой, спортивной, толстой, сногшибательной, лучшей женщиной на всем белом свете.

– Да нет же! – пробормотал я себе под нос. – Все не так! Прекратите немедленно!

Может, нынешняя молодежь не умеет по-другому выражать свое горе? Тот психиатр, с которым я общался много лет назад (может, ты помнишь эту историю: я отправился к нему сразу после того, как расстался с матерью Алисы), частенько повторял, что боль всегда ищет выход.

Я прочитал все, что смог про нее найти. «Типерь ты на нибесах», – написал кто-то в сети «Фейсбук», и мне стало грустно. Даже соболезнования с орфографическими ошибками, черт бы их побрал. Я скопировал всю найденную информацию в файл на рабочем столе и почувствовал неожиданный прилив спокойствия. Наконец-то. Теперь со мной была хотя бы частичка Алисы. Удивительно, как много удалось найти за считанные минуты. А если зарыться глубже? Хочется верить, что мы все представляем собой нечто большее, чем простую сумму привычек и интересов. Даже я. Старый профессор шестидесяти четырех лет, так и не нашедший себе места в жизни.

Перечитал свое послание. Вслух, потому что мне нравится сплести сложные ритмы словесных узоров. Звук собственного голоса слегка пугает: возникает чувство, что говорит кто-то другой. Усталые, протяжные гласные – выговор воспитанника частной школы, ни намека на эдинбургский акцент. Так странно слышать себя со стороны. Старый Крекер. Неужели моим незадачливым студентам все эти годы приходится выслушивать этот нудный скрип? Я попытался вспомнить голос Алисы. Неуловимый и непонятный акцент – родители не обращали внимания на социальные различия. Правильные интонации гимназистки. Взрывы звонкого смеха. В каких далях затерялся голос, который когда-то спрашивал меня: «Почему вы обращаетесь со мной, будто я особенная, профессор?»

По очевидным причинам у меня не получится выйти на связь с Элизабет, но, наверное, можно обратиться к друзьям и коллегам Алисы, к ее старшему брату. Я нашел сайт адвокатской конторы, где он работает, и короткую биографическую справку с черно-белой фотографией. Роберт. Совсем не похож на сестру и мать. Друзей Алисы я тоже отыскал без труда. Маркетологи, финансисты, агенты по недвижимости; некоторые уже обзавелись семьями и детьми, маленькими Софи и Джорджами. Детями, которых никогда не будет у Алисы. По очереди связался со всеми ее друзьями. «Мы незнакомы, но нас объединяет одно...» – так начиналось каждое письмо.

Изучать, записывать, сопоставлять – вот в чем главная задача антрополога. Ларри, неужели ее близкие не обрадуются, если мне удастся разыскать и свести воедино еще какие-нибудь факты? Неужели они не оценят, если я попытаюсь вдохнуть в нее жизнь? Пусть она еще раз станцует нам – Алиса так любила танцевать! Должно быть, унаследовала это от матери, Элизабет тоже была прекрасной танцовщицей.

Что скажешь, Ларри? Даже став заслуженным академиком, ты всегда оставался рациональным и практичным человеком, в отличие от меня. Тебя считали выходцем из народа (отвратительная формулировка, не спорю); но народ народом, а твоим лучшим другом был я. Ты – единственный, к кому я всегда обращался за советом. Как ни банально, ты служил для меня источником вдохновения. И никогда ни в чем меня не осуждал. На этой неделе я внес твоих детей в завещание, хотя мне вряд ли когда-нибудь удастся отблагодарить тебя сполна.

Как же я люблю писать от руки! Мальчишкой я постоянно переживал из-за переменчивого почерка: боялся, что не повзрослею до тех пор, пока он не сформируется до конца, знаменуя таким образом мою зрелость. Теперь на смену бумаге и ручке пришла клавиатура – и современным детям не на что ориентироваться. Не собираюсь прекращать нашу старомодную переписку. Это традиция, наш общий секрет. Один из многих.

Ты уже наверняка понял, что новость о смерти Алисы выбила меня из колеи. Я не намерен притворяться, с чего бы? Мы с тобой частенько дурачили окружающих, но друг другу не лгали никогда. Так было условлено в самом начале: никакого вранья. В мире, окутанном тайнами и недомолвками, мы с тобой были неизменно честны друг с другом. Ты для меня всегда оставался постоянной величиной, как стрелка компаса, указывающая на север.

«Мы сообщники», – шутил ты.

Все найденные сведения я перетащил в отдельную папку и назвал ее «Алиса_резервная копия». Шутка показалась мне удачной; всегда любил придумывать названия для своих творений. Через десять минут пришел первый ответ на одно из писем.

К черту Офелию. На моем холсте будет портрет Алисы.

* * *

Публикация в блоге Меган Паркер, 6 февраля 2012 г., 22:01

Купила открытку, но не знаю, как подписать. Разве кому-нибудь станет легче от куска картона? Алиса умерла. Моя лучшая подруга Алиса умерла. Среди моих знакомых никто не умирал таким молодым. Несправедливо, абсурдно, невозможно. Вы же не поверите, если кто-нибудь скажет, что прямо у вас под окнами пасется жираф? Рыдаю целыми днями. Ты умерла, а жизнь продолжается. Как же так вышло? Почему убийцы, насильники и прочая мразь по-прежнему дышат, жрут, разгуливают по улицам, а тебя больше нет? Такие чудесные люди не должны умирать, это несправедливо. Ты покинула меня не на день и не на месяц, не уехала работать в отель «Сентер паркс» на каникулах – ты покинула меня навсегда. Какое страшное слово, какой долгий срок... Запрещаю себе думать об этом.

Дома совсем тошно, поехала к родителям. Папа говорит, что следователи будут проводить вскрытие – его всегда проводят в случае внезапной смерти. «Бедняжка, она и так натерпелась», – сказал он.

Где ты? Куда тебя забрали? Я точно знаю, где тебя нет. Ты не стоишь на вершине холма в Лейк-дистрикт рядом со мной, Хлоей и Лорен, положив ладонь на каменный валун. Ты больше не появляешься в тайском ресторанчике на Клэпхэм-Хай-стрит, где мы частенько бывали раньше (с ума сойти, Алиса, любимый ресторан, прямо как у взрослых!). Ты не подпеваешь песне про Амарилло во время поездки с хоккейным клубом. Куда бы я ни пошла, тебя там

не будет. Снова под окнами разгуливает жираф – тебя больше нет. Выглядываю во двор: там пусто, только ржавые качели, на которых мы с тобой играли, секретничали и строили планы на будущее. Отчаянная, наивная девчонка, ты едва научилась жить по-настоящему... и все оборвалось. Несправедливо. Но когда я говорила про несправедливость, ты отвечала, что мир суров и безжалостен, просто люди предпочитают этого не замечать.

Отправила открытку твоим родителям. Дурацкую, с розовым цветочком и подписью «С глубочайшими соболезнованиями». Соболезнованиями по поводу твоей смерти, как в страшном сне. Они будут горевать по тебе. И Робби будет. Хотела бы я знать, как теперь общаться с Люком, жалеть его или ненавидеть. В глубине души я уверена, что вы бы обязательно помирились.

Мы с тобой дружили с пяти лет. Прошли вместе огонь и воду... ты всегда шутила, что я вода, а ты огонь... школьные годы, первые влюбленности и расставания. Даже поступили в один университет: не по трусости, а потому что Саутгемптон – отличный городок, и вместе нам было весело, хотя ты, в отличие от меня, всегда предпочитала шумные компании.

Кто теперь будет наставлять меня на путь истинный и распекать за нездоровую слабость к мужчинам постарше?! Ты говорила, что мы обе совершенно безнадежны: ты совсем запуталась в отношениях с Люком, а я ждала, пока у меня на пороге объявится Джордж Клуни или на худой конец Харрисон Форд.

«Все великие люди умирают в двадцать семь», – сказала ты, когда Эми Уайнхаус погибла от передозировки; но тогда тебе просто хотелось развязать спор. До двадцати семи ты не дотянула. Смерть – страшное, мерзкое слово. Вокруг нее роятся слухи, а я просто не понимаю, почему в тот вечер ты пришла к реке. Ты ведь терпеть не могла воду.

Алиса, милая, не будешь возражать против публикации в блоге? На моем месте ты бы поступила точно так же. Ты часто повторяла: «Боль нельзя держать в себе. Выплесни ее наружу, прямо миру в лицо».

Недавно виделась с Лорен и Хлоей. Говорили мало, только плакали. Позвонила твоим родителям, наткнулась на автоответчик. Сейчас им очень нужна поддержка: твоему замечательному папе, который носит сумасшедшие свитера и произносит твое имя на странный манер, с паузой – «А-лиса» – будто задает

вопрос, и твоей сногшибательной, энергичной маме, вы с ней похожи как две капли воды... Теперь ты не похожа ни на кого. Все закончилось. Ты закончилась. Подведена черта, перевернута последняя страница, жизнь зияет дырами, которые остались там, где раньше был твой смех, БЕЗУМНЫЕ музыкальные вкусы и НЕЛЕПЫЕ легинсы.

Только что позвонила тебе – хотелось услышать твой голос. «Меня здесь нет, сами понимаете. Но мы обязательно поболтаем, так что оставьте сообщение, хорошо?»

Зашла мама и сказала, что надо помнить хорошее и жить дальше. А я смотрела в окно за ее спиной, на ржавые качели.

– У нас во дворе пасется жираф.

Она, наверное, подумала, что у меня едет крыша.

Огонек погас и больше не разгорится. Люблю тебя, Лиса Алиса...

* * *

Статья в журнале «Антропология ? la Mode», август 2013 г.

Зачем раскапывать тайны прошлого?

Год назад профессор Джереми Кук был известен только в узких академических кругах, но теперь его имя знают все. В этой статье профессор без утайки рассказывает читателям о том, как гибель студентки подвигла его на «исследование», полностью перевернувшее его жизнь.

Эта идея пришла ко мне просто и буднично – никаких внезапных открытий или приливов вдохновения, со мной такого не бывает.

Я работал в библиотеке. Один из студентов начертил свои инициалы на запотевшем стекле – «RP». Кажется, его звали Роберт Пирс, но это неважно. Я глаз не мог отвести от двух прозрачных букв. Когда он ушел, я словно в полусне приблизился к окну и дорисовал «I» посередине[2 - RIP – «Покойся с миром» (лат.) – Здесь и далее примеч. пер.]. Библиотекарь смущенно улыбнулась, встретившись со мной взглядом. «Вечно он чудит, Старый Крекер», – наверняка подумала она. Я опустил на стул, где недавно сидел студент. Место было еще теплым. Надпись на стекле не спешила пропадать, я тоже никуда не торопился. Кажется, даже задремал ненадолго, а когда очнулся, на окне не осталось ни следа. Буквы «RP» – «RIP» – только что были там, а теперь исчезли... Меня осенила внезапная мысль. Из дня в день мы оставляем за собой следы, отметины, отпечатки. А можно ли по этим отпечаткам восстановить всю жизнь? Заново собрать хрупкие осколки и сложить их воедино? Мне подвернулась отличная возможность проверить свою теорию. Чужая жизнь – а точнее, смерть – прямо в родных пенатах, у меня перед носом. Алиса Сэлмон.

Меня накрыло, как любит говорить нынешняя молодежь. Рассматривая нарисованные на стекле инициалы, я испытал жгучую, доселе незнакомую радость от зародившейся идеи. Несколько дней назад Алиса «ушла под воду» (по выражению одного из журналистов). Если верить заключению coronera, это случилось между полуночью и двумя часами утра пятого февраля 2012 года. А восемь лет назад, осенью 2004-го, она впервые приехала сюда. Разумеется, для всех остальных – да и для меня поначалу – она была всего лишь очередной первокурсницей, одной из тысяч студенток, которым я читал лекции уже не первый десяток лет. Я заметил ее в самом начале семестра – высокая девушка с длинными волосами сразу бросалась в глаза.

Как и следовало ожидать, про нашу «связь» распустили множество слухов, и все же Алиса отлично подходила в качестве объекта исследования. Не столько из-за своей скоропостижной смерти, сколько из-за эпохи, в которую она жила. За последние двадцать пять лет – всего за одно поколение – способы коммуникации изменились так сильно, как не менялись за целое тысячелетие. Интернет диктовал новые правила. Алиса и ее ровесники оказались в эпицентре перемен, они были их движущей силой.

Конечно, я никак не мог спрогнозировать результаты своей работы, но не собирался допускать непредвиденные последствия. Четкие, понятные цели, потенциал для открытия, тактичный и деликатный подход. Я не пытался проверить гипотезу, я просто хотел составить картину жизни. Жизни Алисы. Да,

наши «отношения» также послужили одной из причин, однако главную роль сыграло вовсе не это. Я выбрал Алису, потому что она была сложной, яркой, уникальной личностью – как и мы все.

«Тебе не кажется, что это слишком примитивно?» – спрашивали меня коллеги.

Плевать я хотел на мнение коллег. Впервые в жизни я следовал зову сердца. Мне хотелось узнать, что оставила за собой эта удивительная, чудесная девочка. В конце концов, еще совсем недавно – в масштабах эволюции любой этап развития человеческой цивилизации можно считать «недавним» – жизнь и смерть отдельных людей проходили совершенно бесследно, за исключением, пожалуй, аристократов и членов королевских семей. Естественно, всегда оставались близкие родственники, друзья и знакомые, – но за пределами этого узкого круга никто ничего не замечал. Умерший ненадолго оставался в памяти тех, кто его пережил, а потом погружался в полное забвение.

Мою работу сложно назвать «исследованием» в общепринятом смысле слова. Под этим термином обычно подразумевают научный, методичный подход, а у меня нет ни возможности, ни желания идти привычным путем. Кто-то с ходу назвал мой труд «одержимостью», и я допускаю, что в этой характеристике есть крупинка истины. Я основательно подготовился, следуя заветам бойскаутов.

Все «открытия» вошли в книгу. Я немного отредактировал собранные материалы, чтобы избежать двусмысленности; готовый текст включает в себя вполне показательные, хоть и не всеобъемлющие выводы. Надеюсь, мне удалось отдать должное Алисе – и истине. Потому что поиск истины был одной из моих основных целей, и я хочу, чтобы все материалы, собранные в книге, рассматривались как доказательства преступления.

Ей было всего двадцать пять – такая юная, хрупкая! – когда она ушла под воду.

При жизни ты можешь не вызывать особого интереса, но стоит умереть, как все вокруг начинают обсуждать тебя с жадным, извращенным любопытством. Таково свойство человеческой природы.

По иронии судьбы, именно этот труд принес мне известность. Исследования по этнолингвистике и саамским языкам не привлекли никакого внимания за пределами узких академических кругов. А сейчас на меня появился спрос. Канал

«Скай ньюз» присылал за мной машины в несусветную рань, чтобы отвезти на телестудию и передать в руки хорошеньких белокурых гримерш, которые старательно готовили меня к пристальному взгляду камеры. Мне часто задавали вопросы о «пути»: Алисы, моем, еще каких-то – кажется, в наши дни никому не сидится дома. Антрополог. Все радостно хваталось за это слово, будто оно придавало нашей беседе солидности и достоверности. «Внимание, сегодня в нашей студии! Живой, настоящий антрополог». Вскоре меня стали расспрашивать не только на профессиональные темы; журналисты испытывали мое мнение по разным животрепещущим вопросам – военные действия в Афганистане, дебаты об абортах, выход новой модели айфона. Однажды, в передаче для пятого канала, мы даже разговаривали о нездоровой зависимости от телевидения – судя по всему, продюсер не заметил иронии.

Слава стала для меня разменной монетой. Администрация университета пребывала в растерянности. С одной стороны, я принес известность нашему учебному заведению, с другой – история с Алисой принесла за собой достаточно неприятностей: репортеры атаковали не только мой дом, но и факультет.

Теперь меня представляют именно так. Личный антрополог Алисы Сэлмон. Исследователь, раскопавший правду о девушке из реки Дейн. Однажды меня даже назвали ученым, который переквалифицировался в сыщики (боже упаси). Мы с Алисой – две стороны одной медали, о нас не говорят по отдельности. Мы стали примечаниями в историях друг друга. Но мы и так уже были крепко связаны.

Первый экземпляр книги лежит на столе: с обложки на меня смотрит Алиса. Дочитав мой труд до последней страницы, вы узнаете истину о жизни и смерти этой девушки. Нельзя сказать, что здесь нет ни слова лжи – ведь люди, чьи судьбы переплелись с судьбой Алисы, остаются субъективными по своему существу: кто-то пристрастен из-за любви, кому-то, как я выяснил, застит глаза ненависть.

Должен сказать, мне не отказывали в помощи, даже когда я сообщал, что все секреты могут стать достоянием общественности. С самого начала я решил, что в исследовании не будет никакой цензуры. В книгу вошли самые шокирующие и постыдные откровения, и я придерживался той же политики, когда дело касалось моих собственных признаний.

Я ступал по тонкому льду, возмущение и упреки не стали для меня неожиданностью. Однако я и подумать не мог, что вызову настолько негативный отклик: мне мешали работать, поливали грязью мою репутацию. Немало испытаний выпало и на долю моей жены. Меня обвиняли в святотатстве, в извращениях, в неуважении к мертвым. Но мы, гомо сапиенс как биологический вид, обязаны исследовать захоронения и могилы. Если бы мы не пытались раскопать своих мертвецов, мы бы ничего не знали о Тутанхамоне и Мачу-Пикчу. Если бы мы не поддавались любопытству, если бы мы не оглядывались назад, разве мы смогли бы заново открыть рисунки в пещере Ласко и посмотреть на величественных быков, мчащихся по каменным стенам прямо из палеолита, поразиться этому удивительному, непостижимому чуду, созданному семнадцать тысяч лет назад? Надеюсь, мне удастся взглянуть на них еще раз напоследок. С нетерпением жду, когда начнется следующая глава моей жизни – даже если она будет совсем короткой.

Извините, сейчас последует небольшая лекция. То, что мы называем «коммуникацией» – речью, – возникло около ста тысяч лет назад. Невербальные способы общения постепенно стали вербальными. С появлением письменности человечество совершило гигантский прыжок: мы научились фиксировать происходящее, мы научились помнить. Знания распространялись быстрее. Эволюция вышла на новый виток, и движение ускорилось. Именно это отличает людей от других биологических видов, определяет нашу жизнь и наше сознание. Алиса всегда умела и любила общаться, и я решил дать ей слово. Как сформулировал мой бывший коллега с несвойственной для него проницательностью: «Пусть девочка говорит сама за себя».

Хочется верить, что эта книга помогла мне стать другим человеком. Менее чванливым, хотя это заявление само по себе говорит об определенной степени чванства.

Стоит мне взять в руки книгу, на ум сразу приходит мысль о ее несовершенстве: краска скоро выцветет, бумага пожелтеет, страницы рассыплются в прах. Ей тоже отмерен свой век. Напоминаю себе о вложенной в нее скрытой силе. Справедливость будет восстановлена. Возмездие неизбежно.

Снова напоминаю себе, что этот презренный дар окажется в руках у других людей. У тех, кого я никогда не встречал и чьи лица я никогда не увижу. Они будут прикасаться к обложке, перелистывать страницы – я не технофоб, но принадлежу к тому поколению, которое предпочитает бумажные книги

электронным. Меня услышат, я буду говорить с незнакомцами, и мои слова протянутся между нами, как тонкие крепкие жилы. Возможно, я ищу прощения, искупления, отпущения грехов. Но в этой печальной саге есть один человек, которого я простить не смогу.

Может быть, в комментариях злопыхателей была доля правды. О том, почему я выбрал именно Алису. Почему так отчаянно хотел снова вдохнуть в нее жизнь. Мы все стремимся к этому, так ведь? Мы хотим чувствовать себя важными, желанными, нужными. Мы хотим совершить что-то значимое, хотим, чтобы нас запомнили. Как сказали бы мои коллеги со старой кафедры, мы хотим обрести счастье на этой земле.

Однако не в счастье дело. Нам всем нужно нечто несоизмеримо большее, нечто совершенно иное.

Каждому из нас нужно, чтобы нас любили.

RIP, Алиса Сэлмон.

- Книга профессора Джереми Кука «По ее следам» выйдет в следующем месяце в издательстве «Прайон пресс». Стоимость одного экземпляра – 9,99 фунта. Читатели нашего журнала могут получить скидку, заказав книгу по телефону, указанному на с. 76.

* * *

Избранные цитаты Алисы Сэлмон, профиль в социальной сети «Фейсбук», 3 ноября 2011 г.

«Грамотный человек знает разницу между “не спится” и “не спиться”».

Аноним

«Самое главное – будь героиней своей жизни, а не жертвой».

Нора Эфрон

«Правда может причинить боль, но раны, нанесенные ложью, не затянутся никогда».

Аноним

«Все мы слышали про то, что миллион обезьян, стуча по клавишам миллиона пишущих машинок, могли бы написать полное собрание сочинений Шекспира. Благодаря Интернету мы знаем теперь, что это неправда».

Роберт Виленски

«Юность – всегда сон, особая форма безумия».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

* * *

Заметки на ноутбуке Люка Эддисона, 8 февраля 2012 г.

Кажется, ты даже не догадывалась, что я собирался сделать предложение. Еще один пункт в списке того, что я не успел сказать. В тот вечер, когда ты заговорила о Праге, в тот самый вечер, когда ты заявила, что нам надо отдохнуть друг от друга, у меня в кармане лежало обручальное кольцо. Все было спланировано: следующим утром я собирался пригласить тебя в путешествие – небольшое, всего на один день. Ты бы собрала сумку, и мы бы поехали в аэропорт в Гатвике, а оттуда в Рим. Я уже забронировал билеты и номер в отеле.

– Люк, мне нужно задать тебе один вопрос. И я хочу получить честный ответ. – Ты начала раньше, чем я успел открыть рот. – Пообещай, что не будешь лгать.

– Хорошо.

Представил себе, как ты удивишься, узнав, что в понедельник тебе не нужно идти на работу – я договорился с твоим боссом. Меня охватило предвкушение: мы встречались уже полтора года, и это было только начало. Конечно, сейчас никто не спешит связывать себя семейными узами лет до тридцати по меньшей мере. Но зачем ждать так долго? Ты часто поддавалась минутным порывам, теперь пришла моя очередь.

– Помнишь, вы с друзьями ездили в Прагу на матч по регби? У тебя там была интрижка?

В комнате внезапно закончился кислород. Я с размаха опустился на кровать, и в бедро уперся твердый уголок ювелирной коробки. Не мог соврать, глядя тебе в глаза. Только не тебе.

– Ал, это была случайность.

– Кто она? – Твой голос звучал ровно и решительно.

С нашей первой встречи прошло всего семь недель. Точно помню: я решил, что если эти отношения продлятся больше двух месяцев, я чистосердечно признаюсь во всех своих связях. Если меньше, то можно и промолчать.

– Это неважно, Ал!

– Почему же? Для меня важно, – процедила ты сквозь зубы. – Поверь, милый, важно для нас обоих.

– Просто какая-то девчонка с вечеринки. Я был пьян.

– Почему ты ничего не рассказал? – В твоём голосе проскользнули стальные нотки.

– Боялся, что ты меня бросишь. – Я сжал в кулаке коробку с кольцом. Подумал: может, сказать сразу? Не ждать, пока мы окажемся в ресторане на Кампо деи Фиори, – там подавали отличный прошутто, как раз на твой вкус, – где я забронировал столик и договорился с метрдотелем. Просто взять и сказать. Объяснить, как сильно я тебя люблю, что та девчонка ничего не значит – даже имени не помню, и сам вечер почти стерся из памяти. Но ты заплакала, а когда я попытался тебя успокоить, оттолкнула мои руки и присела на другой конец кровати. Перед глазами мелькали смутные воспоминания о Праге: ирландский паб, компания девушек за столиком по соседству, булыжная мостовая в полутьме – было почти четыре часа утра. Мы свернули налево к отелю, она шла со мной. Девчонка из Дартфорда? Или Дартмута? Джен... Нет, не Джен. Джилл. Так давно... «Ал, это неважно», – повторил я. Развернулся, взял за руку, заглянул в заплаканные глаза. У тебя за спиной переливалась огнями маленькая рождественская елка. Снова Прага: запах мокрого асфальта, вывеска с рогаликом у входа в пекарню – тогда мне казалось, что заканчивается целая эпоха. Всего семь недель спустя после первой встречи я понял, ты – та самая, единственная, Ал, и осознал, что теперь моя жизнь переменится: никаких поездок с друзьями, пьянок в баре до четырех утра и случайных интрижек. Но я не жалел об этом: у меня появилась ты, и все стало иначе. Я был по уши влюблен, Алиса, но хотел попрощаться со старой жизнью, гульнуть напоследок. Уйти в отрыв.

– Выметайся, – сказала ты.

Завтра наш самолет улетит в Рим, не досчитавшись двух пассажиров. Я выбрал место у иллюминатора: ты всегда любила смотреть на облака.

– Не стоило гоняться за двумя зайцами, Люк.

– Адам, трепло недоделанное, – вырвалось у меня.

– Все тайное становится явным. – Ты вытерла слезы. Сказала, что последние полтора года прошли словно в сказке. Но мы уже не дети; не можем позволить себе бессмысленные и бесперспективные отношения. Надо понять, что мы испытываем друг к другу.

– Да что тут думать? Я тебя люблю.

Я не собирался сидеть и смотреть, как рушится вся моя жизнь. Снова вспомнил про кольцо, лежащее в кармане. Вытащить коробочку, сказать: вот, видишь? Увы, романтический план пошел наперекосяк, и винить, кроме самого себя, было некого. Ты уже все решила.

– А я вот не знаю, люблю ли. Или, может, люблю, но недостаточно сильно.

– Ал, я ни капли не изменился. Ты же меня знаешь.

– Нет, не знаю.

Еще немного, и ты бы сорвалась на крик. Я видел тебя в таком состоянии только однажды: мы ехали в автобусе, и один из пассажиров ударил ребенка.

– Я никогда не строил из себя праведника.

– Даже не смей, Люк. Твоя измена – не моя вина.

– О чем ты, Алиса?! После знакомства прошло семь недель, мы даже не заикались об отношениях!

– Уходи, просто уходи, а? Смотреть на тебя не могу.

– Мы ведь не расстаемся? Скажи, что нет.

– Мне нужна передышка. Не присылай никаких сообщений, не звони, даже не пытайся! – В обычной обстановке я бы непременно пошутил, что по законам логики двойное отрицание означает согласие. Но по твоему лицу градом катились слезы. До Рождества оставалась пара недель. – Два месяца. И не пытайся мне звонить. – Пугающий, неожиданно долгий срок. Однако альтернатива была гораздо хуже: одна сплошная Прага до конца моих дней. – Уходи.

Ты всегда высмеивала людей, которые жаловались на сложные отношения. «Это ведь так просто! – говорила ты. – Либо любишь, либо нет». А теперь сама не могла решить, чего хочешь. Вот до чего я тебя довел. Потом ты умерла. Умерла три дня назад, Ал, и я больше не могу. Спать. Вставать по утрам, запихивать в

себя завтрак, принимать душ, бриться, спускаться в метро, отвечать на звонки. Все потеряло смысл. Ты рассказывала, что проваливалась в депрессию в подростковом возрасте, но тогда я не понимал, о чем ты. Теперь понимаю. Наконец-то я сумел почувствовать, как тебе жилось, сумел представить, каково это – быть тобой, Алиса Луиза Сэлмон. Девушка, которую я встретил в пятницу, седьмого мая 2010-го (видишь, я помню дату!) в Ковент-Гарден. Зашла в кафе и встала следом за мной – поддалась моему животному магнетизму, как я потом шутил. Тебя обслужили раньше, и я сказал: «Похоже, вам удалось очаровать бармена». А ты тут же ответила: «Похоже, вы хотите пролезть без очереди!»

Когда ты была жива, я с трудом мирился с короткой разлукой. Теперь мы расстались навсегда, и я по-прежнему не могу смириться.

Никогда не записывал свои переживания. Но ты все время твердила, что только так можно поделиться чувствами, осознать свои ошибки и по-настоящему измениться, – и вот я пишу. Пишу, как обычно делала ты, повторяя, что от этого станет легче.

Хочешь, чтобы я отвечал честно, Ал? Ладно, сама напросилась. Я подрался – два раза. Про вторую драку тебе ничего не известно: она случилась в воскресенье, день спустя после твоей смерти. А вот про первую драку рассказывать не нужно, потому что моим противником была ты.

* * *

Письмо, отправленное Элизабет Сэлмон, 3 марта 2012 г.

От: Elizabeth_salmon101@hotmail.com

Кому: jfhcooke@gmail.com

Тема: Держись подальше от моей семьи

Джереми!

Даже не верится, спустя столько лет опять тебе пишу. Поклялась ведь, что больше не стану иметь с тобой дела, но, видимо, высшие силы решили иначе. Обойдемся без любезностей. Что ты, черт возьми, затеял? Говорят, тебе вдруг понадобилась информация об Алисе. Будто бы для какого-то исследования. Но это неважно, я требую одного – оставь Алису в покое!

Мой сын (он работает в адвокатской конторе) написал тебе официальное послание. Я его выбросила, а сыну сказала, что письмо отправлено адресату. Там было слишком много юридической зауми: вмешательство в частную жизнь, просьба воздержаться от подобных действий в дальнейшем, даже завуалированная угроза судебного иска. Но я-то знаю тебя как облупленного. Считай, что это предупреждение.

Говорят, ты собираешь памятный альбомчик. Что ж, можешь записать туда мои слова. Я горжусь своей дочерью. И я плевать хотела на чужое мнение. Я горжусь, что Алиса была такой отчаянной и жадной до жизни, что она не разменивалась по мелочам. Иногда мне хочется остановиться посреди улицы и закричать: «Алиса Сэлмон – моя дочь!» Я захожу в ее комнату и разговариваю с вещами, музыкальными дисками, розовой свиньей-копилкой. Желаю спокойных снов и доброго утра, повторяю, что люблю ее, несмотря ни на что, какие бы глупости она ни творила, мы все равно ее любим. И скучаем. Жизнь часто выходит из-под контроля, и я сама наделала много нелепых ошибок, не мне ее судить.

Ты всегда по-своему толкуешь действия окружающих. Не думай, что я решила сделать шаг навстречу – нет! Я требую, чтобы ты прекратил свои абсурдные и жестокие эксперименты, и даже не собираюсь обсуждать письмо, которое ты прислал незадолго до смерти Алисы. Сентиментальное, неуместное, оскорбительное.

Говорят, господь бережет пьяных и маленьких детей. Куда он смотрел вечером пятого февраля, Джем? Ты ведь такой умный, объясни мне. Хотя нет. Не отвечай. Просто оставь меня в покое и не смей трогать то, что осталось от моей семьи.

Ради меня. Или ради Алисы.

Элизабет

* * *

Отрывок из дневника Алисы Сэлмон, 25 ноября 2005 г., 19 лет

– Привет, мисс Перспектива, – сказал мне парень с маркетингового отделения. Мы как раз выходили из аудитории после занятий. Надо же, запомнил. – Меня зовут Бен. – Он пожал мне руку. – Хочешь, сходим куда-нибудь выпить?

Я медлила с ответом. Парень был симпатичный, но меня не так часто звали на свидания.

– Ну что? – поторопил он. – Мы застыли в движении?

Опять повторял мои слова: я ляпнула эту фразу на семинаре несколько минут назад, когда преподаватель попросил объяснить, что такое фотография. «Очень смешно», – ответила я и тут же спохватилась. Он мог подумать, что я огрызаюсь. На самом-то деле в голове крутилась только одна мысль: хочу, хочу, хочу безо всяких разговоров! Готова бегом бежать, честное слово. В первый год не часто встречаешь симпатичных парней.

– Да брось, я угощаю. То есть за нас заплатят мама с папой, но разницы никакой.

Мы прошли через парковку и свернули в переулок у реки, срезая угол. Он учился на третьем курсе. Из тех удачных ребят, которые не пропускают ни одной вечеринки: толпой разгуливают по ночному городу в стильных нарядах, сбивают дорожные ограждения или катают друг друга на закорках. В пабе он купил нам по пинте сидра, а себе вдобавок заказал водку с «Ред буллом».

– Не многовато ли? – поинтересовалась я.

Он сделал вид, что не расслышал, и переключился на другую тему:

– Не семинар, а фигня какая-то. Я погуглил имя преподавателя, у него в портфолио одни свадьбы и крестины. Далеко до Анри Картье-Брессона.

– А что тут такого? Просто фотографирует торжественные события. Можно подумать, ты сам снимаешь репортажи военных действий.

После семинара меня распирала энергия. В университет стоило поступить хотя бы ради того, чтобы вот так запросто бросаться словами «перспектива» и «личность». Ну, и еще ради знакомства с интересными людьми. Я чувствовала, как сидр согревал меня и успокаивал.

– Ага, конечно. Что я, дурак, соваться прямо в пекло?

Я неторопливо потягивала сидр, Бен тоже не отрывался от своей кружки. Может быть, если пообщаюсь с таким человеком, сама стану чуть увереннее в себе.

– Хочешь стать фотографом? – спросил он.

– К сожалению, я не разбираюсь в технических примочках. Пока возжусь с настройками, объект успевает убежать из кадра. Папарацци из меня никудышный.

– Уж лучше мусорщиком, чем папарацци. Нет, погоди, мусорщики встают слишком рано... Придумал! Лучше наркоториком. По крайней мере, они приносят пользу обществу.

– Нет, серьезно, чем ты собираешься заниматься? – снова спросила я. На третьем курсе, к этому времени многие начинали искать работу.

– Понятия не имею. У меня нет особых талантов. – Было в нем что-то ребячливое. – А ты?

– А я бы хотела стать журналистом.

– Надеюсь, журнал «Хит» – не предел твоих мечтаний?

– Ну уж нет! Я хочу работать на престижное издание. Что-нибудь вроде «Ти-эл-эс», на меньшее не согласна.

Мы снова сделали по глотку. Сидр быстро заканчивался.

– Мне всегда казалось, что журналисты должны разрушать стереотипы, а на деле они их укрепляют, только и всего.

– Глубокая мысль, – фыркнула я, но про себя полностью с ним согласилась.

– Ты когда-нибудь смотрела новостные каналы? – продолжал он. – Внимательно, несколько часов подряд? Я подолгу сижу перед телевизором: врожденная лень, никуда не денешься. Знала бы ты, какую хрень там показывают. Даже ведущие не гнушаются нелюбезных выражений.

– Оскорбительных.

– Что?

– Ты хотел сказать «оскорбительных выражений». Ну, или неприятных. Это разные понятия. «Нелюбезный» значит беспристрастный и справедливый, журналист и должен быть таким. А ты имеешь в виду другое.

– Типа того.

– А все-таки, чем ты займешься после университета?

– Буду работать в отцовской фирме, наверное.

Бен говорил про отцовскую фирму с таким ленивым презрением, что сразу становилось понятно: он не горит желанием вступить в семейный бизнес, однако выбора нет. Возможно, при более близком общении этот парень разочаровал бы меня.

– А что за фирма у твоего отца?

– Страховая.

– Что, колл-центр?

– Ха-ха, очень смешно. Он занимается страхованием кораблей.

– Предполагалось, что это должно произвести на меня впечатление?

– Твои впечатления – твое дело. Давай-ка отпразднуем как следует.

– Что отпразднуем?

– Да что хочешь. Если тебе нужен повод, можем выпить за свадьбу Чарлза и Камиллы, хоть и с запозданием.

– Я всегда была против монархии.

– Хм, неожиданно. Тогда выпьем за что-нибудь другое. За то, что мне дали отсрочку для работы по патентам и правам на интеллектуальную собственность! Или за то, что мы пережили семинар с фотографом, который считает себя Робертом Капой. Или за Саутгемптон. А, знаю! Лучший повод для праздника – это наше с тобой знакомство!

Мне нравилось, как он держался, как сидел, подогнув под себя ногу и забросив руку на спинку дивана, почти касаясь моих плеч. Он оживленно жестикулировал, и я не могла отвести взгляда.

– Боюсь, я уже набрался. Не обедал сегодня. Не переживай, домой приглашать не буду... – Он умолк на секунду. – Ну, чтобы поужинать, ничего такого. Хотя...

– Закатай губу, – откликнулась я. Разговор постепенно сворачивал в новое русло, и передо мной открывались неожиданные перспективы. «Ты могла бы с ним переспать, Алиса», – пронеслось у меня в голове.

Бен снова отправился к бару.

– А я-то думала, что могу рассчитывать на романтический ужин, – протянула я. Он поставил на стол еще две кружки сидра и два коктейля.

– Нет уж, если пить, то по-честному. Я рискнул, взял нам двойной джин. Помнишь, я сказал, что у меня нет особых талантов? Один все-таки найдется.

С этими словами он скрылся за дверью туалета. Когда Бен вернулся, на его лице играла широкая улыбка.

– Вот с ним я справляюсь на отлично!

– С кем, с унитазом?

– Нет, у меня там было дело поинтереснее. – Он постучал себя по кончику носа. – Кажется, самое время перейти к поцелуям.

Бен потянулся к моим губам, и я не стала сопротивляться. «Он не в твоём вкусе, Алиса», – подумала я, глядя на его сильную, усыпанную веснушками руку. Но вот незадача, я до сих пор не вычислила, какие парни мне по душе.

– Ладно, хватит говорить обо мне. Чем занимается твой отец?

– У него консалтинговая фирма, – сказала я, а потом решила: ну его к черту, зачем притворяться перед этим мальчишкой. – То есть фирма была раньше, а потом отец прогорел. Теперь он занимается системами отопления.

– Сочувствую.

– По какому поводу? Потому что бизнес вылетел в трубу или потому что мой отец – сантехник? – Мне безумно хотелось зацепить его, сказать какую-нибудь колкость. Бен вызывал у меня презрение и восхищение одновременно, с таким я пока не сталкивалась. Ещё пара коктейлей, и у меня тоже отключатся тормоза: буду говорить первое, что взбредет в голову, не опасаясь последствий. – Давай выпьем за корабельного магната! – предложила я.

Коктейли закончились быстро, и Бен снова ушел к бару. Высокий, дюйма на три выше меня (а я ростом пять футов девять дюймов), явно не новичок в спортзале. На этот раз он вернулся с шампанским.

– Тебе не удалось меня поразить.

– Тогда шампанского тебе не достанется! – ответил Бен, разливая его по бокалам.

Иногда жизнь преподносит сюрпризы: вечер вторника, игристое вино в полупустом пабе, новый приятель, Бен – мне всегда нравилось это имя – с удивительными глазами. Я смотрела, как в бокалах шампанского поднимаются пузырьки. На ум приходило одно слово: «декаданс».

– Меня зацепили твои рассуждения на семинаре, – сказал Бен. – Этот парень нес пафосную чушь: миссия фотографа – запечатлеть события, а не менять историю, бла-бла-бла. А ты говорила о важном.

– Да ладно. Признавайся: что будешь делать после учебы?

Внезапно перспективы, маячившие в конце вечера, показались пугающими.

– Постараюсь не напрягаться. Может, барменом устроюсь. – Мы поцеловались. – Ты... просто... потрясающая.

– Готова поспорить, ты говоришь это всем девушкам.

– Ну да. Но с ними я притворяюсь, а тебе говорю искренне. Мисс Застывшая-в-Движении. Подожди-ка минуту. Я быстро, чих-пых и готово. – Он снова скрылся за дверью туалета.

Мне стало нехорошо. Пора было уходить, еще немного – и отступать станет поздно. Я была уверена, что смогу отвертеться от уговоров Бена, но постепенно теряла контроль над собственными желаниями. Такое уже случалось: рушишь все запреты и словно смотришь на себя со стороны.

– Хочешь попробовать? – спросил он, вернувшись.

– Нет.

– Да брось. Совсем немножко. Так, немного расслабиться.

Он погладил меня по волосам. Я попыталась представить, каково это, вдохнуть кокаин. Что я почувствую, как буду себя вести: останусь собой или во мне проснется кто-то другой, незнакомый? Заиграла песня «Holiday» группы «Green

Day». Кажется, жизнь складывается не так уж и плохо; быть мной – это весело. От шампанского покалывало в носу, и я с нежностью думала о старой Алисе – девочке в серо-желтой школьной форме, которая кричала: «Я вас всех ненавижу!» На двери ее спальни висел постер группы «Boyzone».

– Всегда с ума по тебе сходил, – сообщил Бен.

– Всегда? О чем это ты?

– Мы знакомы уже целый час. Вполне достаточно.

– Достаточно для чего?

Он положил ладонь мне на ногу – рука была твердой, горячей, жилистой. Мы снова поцеловались, он подался вперед, и я скользнула вниз по дивану, прижимаясь еще ближе.

– Я рад знакомству, мисс Застывшая-в-Движении, – пробормотал Бен.

Преподаватель на семинаре спрашивал, что такое фотография. Все молчали, и тогда он обратился ко мне – к девушке в лиловом шарфе из первого ряда. Я тут же покраснела и выпалила: «Мгновение, остановившееся время». Он сказал, что это очень поэтичное определение, и попросил развить мысль. Вот тогда-то я и ляпнула: «На снимке все застывает в движении».

– Может, зайдём ко мне? – предложил Бен.

– Выпить кофе?

– И кофе тоже.

Я хотела отказаться. Но у меня в венах пузырилось шампанское, и мысль о возвращении домой вызывала тошноту. Мы снимали жилье вшестером, там был вечный бардак, и если остальные ушли гулять, то я опять останусь одна. Не хотелось сидеть в своей комнате и ждать, пока вернется оно. ОНО. Отвратительное состояние: хандра, взвинченность, бессонница. Доходит до того, что я готова зареветь при взгляде на старые фотографии и открытки. Я не

стала придумывать название этому чувству, много чести. Просто ОНО.

Бен положил руку мне на бедро. «Алиса, это так на тебя не похоже, – подумала я. – Ты никогда не позволяла затащить себя в постель на первом свидании». Я видела наши отражения в зеркале на противоположной стене: двое переплелись в объятиях, на низком деревянном столике стоит вереница пустых бокалов.

– Пойдем?

– Ага. – Я изо всех сил старалась, чтобы ответ прозвучал легко и непринужденно, но голос подрагивал. Совсем как раньше, у той, другой меня. Впрочем, Бен понятия не имел о прежней версии Алисы, а кокаин, наверное, и вовсе сотрет ее без следа.

– Хочу тебя, – прошептал он, поднимаясь с дивана. Меня и девочку из Корби разделяли тысячи миль: она не знала, как прикоснуться к мужчине, как себя вести и что будет после. Станет ли она другой, испытав близость? Заметят ли мама с папой произошедшую перемену? (О Робби я не беспокоилась: этот балда не увидит разницы, даже если у меня прорежется третий глаз).

– У меня дома полно выпивки. И не только выпивки. – Бен снова постучал по кончику носа.

– Ну что ты, я же пай-девочка, – рассмеялась я.

У Бена дома было холодно и грязно, мы пили белое вино, потом перешли на водку, потом он врубил Эминема, а когда соседи начали колотить в стену, постучал в ответ. Еще через пару часов он высыпал на журнальный столик горку кокаина и принялся делить его на дорожки кредиткой, будто герой какого-то фильма. Потом скрутил банкноту и резко вдохнул: я смотрела, как белая пудра исчезает со стола.

– Твоя очередь.

– Только немного, – сказала я, протрезвев на пару мгновений.

– Тебе понравится, не сомневайся.

– Я боюсь, – пробормотала я заплетающимся языком.

Он назвал меня трусишкой, потом сказал: «не переживай, все будет хорошо, это совсем нестрашно». Слова казались мне вялыми, неторопливыми, как в замедленной съемке. Все вокруг вдруг замерло: движения рук, тени, бегущие по стене, даже музыка казалась слегка заторможенной.

Я наклонилась к столу и подумала: «Сегодня родится новая Алиса». Старая не смогла меня остановить: видимо, нас уже ничего не связывало. Я вдохнула кокаин – весь, до конца, как в кино, – и ощутила неожиданный прилив ясности. Мне сразу стало лучше.

– Ну как? – спросил Бен.

– Отлично.

Кто-то из нас отпустил шутку, в которой фигурировали корабельные магнаты и сувенирные магниты, мы посмеялись, и Бен снова налил красного вина – раньше я не замечала, что мы пили красное. Надо поаккуратнее обращаться со всем этим, так и привыкнуть можно.

Утром, пока мы валялись в кровати, Бен сказал: «Вот это я понимаю, все вокруг застыло».

Выпал снег, радиатор барахлил, и в комнате стоял страшный холод. У меня перед глазами проносились мгновения прошлой ночи: Бен прикусывал мочку уха и шептал, что я красавица, его широкие плечи сводили меня с ума. Он приготовил чай, мы полистали утренние газеты, и он объявил, что уезжает домой на выходные – то ли в Бакингемшир, то ли в Беркшир, я не разобрала, – чтобы поздравить брата с днем рождения. Важное дело, парню исполняется двадцать один.

– Шикарная ночь будет, оторвемся по полной, – сказал он.

– А чем мы занимались прошлой ночью?

– Слегка разогрелись.

«Ох, Алиса, ты же не спишь ни с кем на первом свидании», – подумала я.

Вчера я об этом не вспомнила.

«И кокаин не нюхаешь».

Об этом тоже.

Я никак не могла решить, уйти мне или остаться. Попытаться спасти это нелепое знакомство, найти в Бене хоть одну привлекательную черточку, помимо спортивной фигуры. Ведь в каждом человеке есть что-то хорошее.

– Seriously, спасибо за компанию, – сказал он.

Хм, может, этим он меня и зацепил? Такой прямолинейный, честный. А еще он часто предварял свои реплики словом «seriously». Я подумала: «Через пару лет ты наденешь строгий костюм и отправишься работать в престижный офис, студенчество останется в прошлом». Осмотрелась по сторонам, пытаюсь запомнить все мелочи: свеча в бутылке из-под вина, засохший хлорофитум на подоконнике, около шкафа стоит знак «Дорожные работы», стащенный со своего законного места. Может, мы больше никогда не встретимся. А может, столкнемся еще не раз, но все будет иначе. Он станет парнем, с которым я переспала после семинара по фотографии, и подруги будут поддразнивать меня – эй, вон идет твой мистер Звезда Маркетинга. Или мистер Застывший-в-Движении.

– Ну что, теперь я твой друг для перепихона?

Я долго смеялась, когда впервые услышала это выражение в старой серии «Секса в большом городе», но в устах Бена фраза прозвучала грубо. Мне казалось, между нами было нечто большее. Он вытащил из-под кровати поднос с кокаином.

– Пора подзаправиться.

Я собирала одежду с пола и натягивала на себя. Неужели всего пару лет назад я искренне считала, что секс – это очень и очень серьезно? Мне не хватало прежней Алисы. Жаль, что я не запомнила подробностей прошлой ночи: меня Бен раздел? Или я сама сбросила одежду?

– Серьезно, не уходи. Мне будет одиноко.

Он втянул дорожку кокаина, выложил еще одну и улыбнулся.

«Все нормально?» – спросила мама на следующее утро после того, как я впервые провела ночь с Джошем. Мама знала, что он оставался у нас. Джош нравился родителям. Черта надо знать в лицо, считала мама. «Все они черти», – отвечал отец. Мы с Джошем встречались несколько месяцев, и он всегда пожимал папе руку, здороваясь. Два мужчины в моей жизни. Каждый раз беседа шла по накатанной дорожке: как учеба, как работа? Смотрели прошлый матч «Манчестер юнайтед»? «Мужчины так похожи между собой, но при этом у них так мало общего», – думала я, глядя на папу и Джоша. Коренастый и крепкий отец, худощавый Джош. Вот она, взрослая жизнь, мой первый парень. «Ты достойна только самого лучшего, – говорил папа. – Никогда не позволяй принижать себя». Но Бен, Бен – с резким запахом лосьона и розовыми после бритья щеками – занимался именно этим. И я позволяла.

Я села на край постели. Голова трещала. Сегодня нужно закончить эссе, срок сдачи истек три дня назад; впереди меня ждала бесконечная тишина библиотеки. Я посмотрела на кокаин, на Бена, снова на кокаин; наверное, я до сих пор не протрезвела. Мама с папой были бы в ужасе, но что тут такого? В конце концов, я уже пробовала. Точка невозвращения пройдена еще вчера. Теперь я знаю, какое слово станет словом дня в моих записках. Тут и думать не надо – кока.

Я склонилась к столу.

– Вот и умница, – сказал Бен.

Мне стало так хорошо, что я чуть не расплакалась.

Часть 2. Нас трудно описать словами

Письмо, отправленное профессором Джереми Куком, 17 февраля 2012 г.

Здравствуй, Ларри!

Я-то думал, что доживу до глубокой старости. Не сомневался, что стану одним из тех старых пней, которые в любую погоду натягивают теплую шапку и пальто. Они постоянно теряют счет времени, а потом испуганно смотрят на часы, что-то бормоча. Ковыляют по тротуару, скрипя и побряхтывая, как несмазанный механизм. Не замечают соплей, свисающих с носа, и капель слюны на подбородке. Они растерянно моргают слезящимися глазами и спешат опереться о какой-нибудь стул, словно этот быстрый, суматошный, непонятный мир норовит сбить их с ног. Но судьба распорядилась иначе. У меня обнаружили уплотнение на предстательной железе, опухоль разрастается. Врач рассказал, чего следует ждать при оптимистичном и пессимистичном прогнозе: «биопсия», «метастазы», «финастерид» – никогда не думал, что услышу эти слова в свой адрес. По дороге домой решил купить цветов для Флисс – огромный букет астр, ирисов и гипсофилы. На ужин, наверное, приготовлю жаркое из свинины, она его очень любит. После похода по врачам я неожиданно понял, как мне повезло с женой. Столько лет вместе. Флисс, конечно, уже знает о диагнозе, но я решил написать и тебе, Ларри.

Я мечтал, что смогу от души побездельничать, когда выйду на пенсию. Покопаюсь в саду, поброжу по антикварным магазинам в Винчестере. Буду пить кофе из кружки, украшенной надписью «Заслуженный ворчун». Махну рукой на защиту природы, куплю старую спортивную машину и стану перебирать двигатель в свое удовольствие. Подыщу рабочий комбинезон – по-моему, у меня еще никогда не было комбинезона, – перепачкаю руки в машинном масле и буду повсюду оставлять грязные отпечатки. Даже если бы я оказался в доме для престарелых – там, где все пациенты стоят рядом вдоль стены, будто в ожидании расстрела, или раскладывают пасьянсы на резиновых ковриках, предусмотрительно разложенных повсюду во избежание конфузов, – даже это унылое, младенческое существование, наполненное нелепой бравадой престарелых мачо, было бы лучше, чем то, что ждет меня впереди: пустота и

забвение.

Глупо жаловаться, моя жизнь все равно была чуть не в три раза дольше, чем у Алисы. Отличный сюжетный ход для книги. Мне всегда казалось, что смерть – это то, что бывает с другими, вроде публичного скандала или банкротства. У нас за плечами миллионы лет эволюции, а мы так и не смогли одолеть этот изъясн человеческой природы.

– Кажется, ты пытаешься отвлечься, – мягко заметила Флисс, когда я рассказал ей о своем проекте по «сбору данных о погибшей студентке».

Да, я хочу сосредоточить свое внимание на чем-то другом, заполнить пустоту, пока ее место не занял страх. И мне это удастся: прошлое Алисы смотрит на меня из фотографий, писем, эсэмэс-сообщений, заметок в твиттере, шуток и даже невнятных сплетен (кто-то пустил слух, что она была героиновой наркоманкой). Подумать только, а ведь раньше после смерти не оставалось ничего, кроме жалкой стопки официальных документов: свидетельство о рождении, водительское удостоверение, свидетельство о браке, свидетельство о смерти. А теперь мы повсюду: разрозненные осколки цельной картины, неуловимые, но долговечные, цифровые данные о живых, настоящих людях. В этом бездонном хранилище информации есть все. Мы больше не можем хранить секреты. Нам с тобой не удалось бы остаться незамеченными, старик, родись мы лет на сорок позже.

Некоторые свидетели приезжают сами, вытряхивая последние крохи воспоминаний из своей дырявой памяти и карманов, и я рефлексивно хватаюсь за блокнот или диктофон. Этот проект стал моей навязчивой идеей.

– Это вы специалист по Алисе? – обратилась ко мне юная леди сегодня утром. Хм, неплохое прозвище. Она протягивала телефон, словно подношение. – Ничего особенного, только эсэмэска... Последняя. От Алисы.

Пролистывая собранные данные, я задумался: а что это, собственно, такое? Фотография, присланная одноклассницей – поход в рамках программы герцога Эдинбургского, Алиса стоит возле палатки. Фото из музея сестер Бронте и комментарий из электронного сообщения: «Бедные жители Хауорта не ведали, откуда к ним нагрянет беда». Записка от соседей, знавших Алису еще совсем крохой: «даже через изгородь было видно, как она скачет на батуте».

– Похоже на некролог, – заметила Флисс.

– И вправду, – ответил я, представляя скупые заметки по поводу собственной смерти: пара абзацев в университетском журнале, четверть колонки в стенгазете.

Я умираю, Ларри. Вот так-то. Теперь я могу произнести это вслух, а поначалу не выходило. Меня ждет смерть не в отвлеченном философском смысле («все мы постепенно умираем», как любят говорить студенты), а в самом что ни на есть буквальном. Не завтра, конечно. Это Рождество я переживу и следующее тоже. И, может, еще одно. Скучный я человек, даже умереть не могу эффектно.

Интересно, как пройдут последние мгновения? Где все случится? Что я почувствую? Жена будет сидеть рядом, держать меня за руку – хотя это, скорее, облагороженная версия для телесериалов. Может, я просто ничего не замечу. Или замечу, но все будет таким смутным, размытым, что станет только хуже: запутанный переход от жизни... к чему? Еще один вопрос, на который мы так и не смогли ответить, несмотря на всю нашу ученую мудрость. Я не уйду безропотно во тьму, Ларри. Пришло время расставить точки на «i» и рассказать правду. Об Алисе, обо мне, обо всем остальном.

Не знаю, как идут дела в твоём университете, но у нас на кафедре все относится ко мне с непередаваемым презрением. «Как продвигается проект “Сэлмон”?» – снисходительно поинтересовался один из профессоров сегодня утром. Да гори оно синим пламенем! Я всю жизнь добивался одобрения коллег, но они изучают чужие идеи только с двумя целями: позаимствовать удачную мысль или позлорадствовать над неудачной. И с этими людьми я общался столько лет?.. Как стая лисиц, вечно готовы вынюхивать друг у друга под хвостом.

Сомневаюсь, что местные новости – даже самые важные – доходят до твоего уголка земного шара, но, возможно, ты уже знаешь отдельные аспекты этой истории. СМИ налетели на нее, словно шакалы на падаль, упустив, разумеется, добрую половину фактов. По крайней мере, пока. Хотя я постараюсь сохранять беспристрастность, Ларри, надеюсь, ты простишь меня, если я умолчу о некоторых подробностях. Как говорил Дэвид Лоуренс, никогда не верь рассказчику – верь повествованию. Прояви снисхождение, моя исследовательская хватка уже не та, какой была раньше. Я никогда не врал тебе – только не умышленно! – но в ближайшие месяцы мне придется сопротивляться возрастающему искушению. Слишком много нелестных для меня фактов: ложь,

измены, одержимость, бесконечные отговорки – даже не знаю, с чего начать.

Учитывая нашу последнюю встречу с Алисой, придется соблюдать осторожность. Мне нужно пройти до конца. Несомненно, портрет этой девушки, написанный моей рукой, никогда не станет исчерпывающим, однако тут нужно помнить о японском искусстве «кинцуги» – согласно его философии, трещины и изъяны являются неотъемлемой частью истории предмета. Среди лебединых песен моя будет не самой худшей.

А сегодня утром эта девушка принесла мне свой телефон, как удивительную археологическую находку. Ее звали Меган – хорошенькая сотрудница рекламного агентства. «Я так любила Алису», – сказала она.

Я не мог отвести взгляд от ее рук – ногти покрыты ярко-красным лаком – и представлял, как эти руки прикасаются к моей бледной старческой коже. «Разве ваши чувства переменялись? – спросил я. – Неужели вы перестали любить ее после смерти?» Нам так трудно смириться с прошедшим временем, даже странно. Любил. Люблю. Знал, знаю. Хотел, хочу. Наши друзья – я называю их «друзьями», но мы уже давно не общаемся – потеряли одного из своих сыновей, когда тот был подростком. Их всегда ставил в тупик простейший вопрос: сколько у вас детей?

– Я люблю ее, – ответила Меган.

– Знаю, милая, – откликнулся я и протянул руку.

Она отпрянула, словно на всем белом свете не было ничего отвратительнее старика, стоящего перед ней.

– Откуда вам знать?

– Я тоже ее люблю.

* * *

Статья, опубликованная на веб-сайте Nationalgazette.co.uk 6 февраля 2012 г.

Трагическая гибель журналистки у разрушенного моста

Молодая журналистка, ратовавшая за перекрытие моста, утонула недалеко от этого печально известного сооружения. Тело двадцатипятилетней Алисы Сэлмон было обнаружено в одном из каналов Саутгемптона вчера ранним утром (в воскресенье).

Согласно полученным данным, Сэлмон окончила университет в графстве Гемпшир, затем жила в Лондоне. В Саутгемптон она приехала на выходные. Полиция не дает никаких комментариев о ходе расследования, но местные жители считают, что той ночью девушка отстала от друзей и в одиночестве шла через мост, возвращаясь с бурной вечеринки.

Судьба сыграла жестокую шутку. Будучи начинающим репортером в небольшом городке на южном побережье, Сэлмон пыталась привлечь внимание к опасному участку дороги – как раз там, где ее настигла смерть в ледяных водах реки.

Высота моста составляет двадцать пять футов, и он считается частью популярного пешеходного маршрута. В одной из своих статей Сэлмон писала, что «несчастный случай на этом месте – вопрос времени», и призывала власти установить более высокие ограждения. «Ремонтные работы стоят дорого, но если их не проведут, то нам придется заплатить еще более высокую цену», – вещала она на страницах «Саутгемптон мессенджер».

Коллеги Сэлмон никогда не забудут, как бесстрашно она сражалась с преступностью: все началось с социальной кампании «Остановим ночного грабителя!», в результате которой был пойман и осужден злоумышленник, напавший на восьмидесятидвухлетнюю женщину.

В социальных сетях обсуждаются различные теории. Один пользователь сети «Твиттер» отметил, что летом этот мост «так и приглашает подвыпивших гуляк прыгнуть в воду». Другой пользователь, заявивший о личном знакомстве с жертвой, утверждал, что у Сэлмон были «сложности в личной жизни».

Родители журналистки отказались давать интервью нашей газете; по словам соседей, семья «просто раздавлена горем».

Вас также могут заинтересовать следующие новости:

- Юные дебютанты в английской футбольной команде
- Протесты против изменения государственного бюджета
- Кризис на автомобильном заводе – угроза сокращения

* * *

Заметки на ноутбуке Люка Эддисона, 9 февраля 2012 г.

Написав про драку, я покривил душой, Ал. Все было не так. Послушай, я не просто подрался – я полез первым. Тот парень вообще был ни при чем, но я ему врезал, и мы покатались по полу. Я специально выбрал противника поздоровее: он тут же придавил меня и двинул кулаком в челюсть. «Давай, скотина! Бей, не стесняйся!» – орал я, и каждый удар взрывался ослепительной вспышкой боли, на мгновение выбивая из памяти прошедшие сутки. Потом ему надоело, и ты снова растворилась в пустоте, а я остался с расквашенным носом. Здоровяк ушел на своих двоих; впрочем, я не особо пытался его задеть. В мире и так слишком много боли. Не хватало еще, чтобы шваль вроде меня разбрасывала страдания направо и налево, как конфетти на свадьбе.

Все случилось в каком-то занюханном пабе возле Ватерлоо. Я только что приехал из Саутгемптона, мысли разбегались. Заказал пинту, вышел во дворик, и тут позвонил твой брат. «Ты где?» – спросил он.

Я не стал ему рассказывать. Да и как бы это прозвучало? Только что вернулся в Лондон, гонялся за твоей сестрой по Саутгемпτονу. Поэтому изобразил невозмутимость и буркнул: «Гуляю».

Он знал, что мы с тобой расстались на время. Я ему никогда не нравился; прямо он об этом не говорил, но все было понятно. «Случилось большое несчастье», – начал твой брат. Будто по бумажке читал. Я с трудом разбирал слова, перед

пабом было шумно. До меня долетали обрывки: непостижимое горе, подробности неизвестны, накануне вечером, невозможно поверить, родители сами не свои... Я судорожно затянулся косяком с марихуаной, глотая молочно-белый дым; дыхание перехватывало. Меня окружила банда вострапанных подростков, но ни они, ни их дружки, сидящие в пабе, уже не могли меня напугать. В груди омертвело. «Беги домой к мамочке, пока я не разбил стакан о твою башку», – сказал я одному из них. Внутри поднималась дикая, безудержная волна: пиво, марихуана, желание затопить обжигающую боль.

Потом пришло сообщение от твоей мамы: «Приезжай». И когда я начал задышаться от чувства вины, мне на глаза попался этот здоровяк в баре. Я подумал: «Подойдет».

Два месяца разлуки, Ал. Я послушался тебя, все взвесил и принял решение. Ничего не изменилось, ты была нужна мне по-прежнему. Работал как проклятый, отложил кучу денег, даже посмотрел пару съемных квартир. Новых романов у меня не было, а вот насчет тебя я не так уверен. Что за придурок этот Бен, с которым вы переписывались в твиттере? В тот последний день, когда мы поссорились, я понял, что ты чего-то недоговариваешь. Алиса, это палка о двух концах. Под вопросом было наше будущее – наше, не только твое. А теперь ты мертва, и кто бы ни был этот твой новый парень, вы с ним больше не увидите. И со мной ты тоже больше не увидишься. Вот что с людьми делает ревность, вот что бывает, когда ты по уши влюблен: я ведь любил тебя, Ал. Прага – ерунда, пустяк, номер в занюханном отеле и девчонка из маленького городка на букву «Д». Мы обменялись всего парой фраз, а после, уже одеваясь, она спросила:

– Ты влюблен, да?

– С чего ты взяла?

– Потому что я не влюблена. А когда сердце никем не занято, начинаешь замечать чужую любовь.

На секунду мне показалось, что она выдаст какую-нибудь меткую цитату: ты бы точно не упустила такой возможности. Но эта женщина не была тобой. Она просто смахнула что-то со щеки – то ли слезинку, то ли осыпавшуюся тушь – и скрылась за дверью.

Дело ведь не в ней, а во мне. Я должен это записать.

– Если бы никто ничего не записывал, у нас бы не было Джейн Остен. Представляешь, какая скучотища? – сказала ты на одном из первых свиданий. Я растерялся и смолчал, не хотел показывать свои плебейские вкусы.

Мы строим жизнь, как бесконечную цепочку домино – в детстве я видел такую по телевизору: один-единственный шаг может изменить все, что будет дальше. Если бы не история с Прагой, ты бы не поехала в Саутгемптон, а если бы и поехала, то не набралась бы так сильно и не пошла бы к реке, и я бы тоже не спустился туда, к тебе на берег. Может, в тот вечер ты бы прислала сообщение, и я бы сразу понял, что ты пьяна, – по пропущенным запятым, и, задохнувшись от внезапной тревоги, написал бы в ответ: «Детка, поаккуратней там» или «Возвращайся к друзьям». Обычно у меня получалось достучаться до тебя в любом состоянии, хотя иногда казалось, что нас разделяет толстое стекло.

Ты говорила, что я забавный, когда напьюсь, но сейчас весельем даже не пахнет: я пьян, растерян, напуган, зол, лицо разбито в лепешку – и пусть, пусть все вокруг знают, что я сделал с собой и что ты сделала со мной, с нами! Знаешь, я часто пытался представить, как будут выглядеть наши дети: мой нос и твои веснушки, мой подбородок и твои волосы, мои уши и твои ямочки на щеках... Картинка вставала у меня перед глазами, но ты все разрушила, не оставила камня на камне, а ведь история с Прагой случилась всего семь недель спустя после знакомства, жалких семь недель, между нами и не было ничего, черт побери.

Как ни странно, когда этот парень мне врезал, я снова почувствовал себя человеком. Впервые за два месяца. После того как ты сказала, что нам нужна «передышка». И велела «не звонить, даже не пытаться».

Полиция не задает вопросов, не предъявляет подозрений, и это тоже странно. Они просто ищут свидетелей – тех, кто общался с тобой накануне. Наверное, смерть пьяной девушки их не удивила. На свете каждую минуту кто-нибудь умирает.

– Насколько мне известно, вы временно прекратили отношения, – сказала мне полицейская. – Трудно было? Вы с Алисой поссорились?

В ответ я рассмеялся. Расхохотался в голос, глядя прямо ей в лицо, умное, хитрое, самоуверенное.

* * *

Отрывок из дневника Алисы Сэлмон, 3 декабря 2006 г., 20 лет

Париж, я в Париже!

Мы с Беном уже пару недель не виделись, но в среду он позвонил и спросил, не хочу ли я куда-нибудь съездить вместе – за его счет.

– Времени нет. Пишу диплом.

– Хм. Все не просто так, я хочу смотаться за границу. Подумай хорошенько.

Наши отношения трудно описать словами. Мы не встречаемся, просто иногда вместе проводим время. Он не мой парень, я не его девушка, но периодически мы изображаем влюбленную пару. Или что-то вроде того. Ничего не изменилось после первой встречи на семинаре по фотографии. А теперь вот Париж.

– Какая-то она маленькая, – сказал он про Мону Лизу.

– Ага. Но ты посмотри, какой взгляд. Суровая дама.

Мне пришлось объяснить, что Венера Милосская – это Афродита, но он сказал только: «Жаль, что ему было влом закончить скульптуру». Я фыркнула от неожиданности, и Бен продолжил:

– Вот видишь, я же говорил: тебе надо отдохнуть, а то одни сплошные научные эксперименты-экскременты. Кстати, как продвигается работа?

– Отвратительно. Такое чувство, что я в ней тону. А что, хочешь помочь?

– Уж лучше кастрация.

Мы поднялись на Эйфелеву башню, где Бен радостно сообщил, что яблоком, брошенным со смотровой площадки, можно запросто убить какого-нибудь случайного прохожего; потом прогулялись по мосту, увешанному замками, – он называется мост Искусств (я все-таки не зря сдавала экзамен по французскому в школе!). «Пары вешают здесь замки и выбрасывают ключи в реку. Это символизирует серьезность их намерений, – сказала я. – Говорят, если поцеловать любимого человека на этом мосту, то вы никогда не расстанетесь».

Бен нервно повел плечами.

– Не шути так со мной, Рыбка.

Меня по-прежнему мучило чувство неудовлетворенности. «У нас с тобой дружеский секс», – как-то сказал Бен. Но мне скоро исполнится двадцать один, ему уже исполнилось. Год назад, когда мы только познакомились, это еще могло сработать, но я не хочу, чтобы мне морочили голову и дальше.

– Надо почаще затевать такие путешествия, – предложила я. – Почаще вести себя как нормальная пара.

– Меня и так все устраивает.

Мег считает, что Бен полный кретин, но она – приготовьтесь, сейчас будут розовые сопли! – не видит в нем того, что вижу я. Например, когда он появляется на пороге моего дома с букетом цветов или представляет меня своим знакомым как «мисс Застывшую-в-Движении».

– Неужели это так плохо? Просто встречаться, как нормальные люди?

– Я-то думал, ты терпеть не можешь нормальных людей.

– Перестань, я ведь не предлагаю обзавестись детьми и купить семейный фургончик. Просто думаю, что нам стоит чаще видеться. Было бы здорово.

– Рыбка, ты же знаешь, я не люблю серьезных планов. – Он посмотрел на воду. – Мне больше нравится жить сегодняшним днем.

День был чудесный, но этот разговор все испортил. Даже если бы мы перешли на другую тему, как мы всегда делаем, осадок все равно остался бы.

– Представь себе, иногда люди меняются. – Я выдавила улыбку.

– Не надо, не порть нам выходные.

– Ты меня вынуждаешь.

Да пошел ты, Бен. Я заслуживаю большего, чем просто жить сегодняшним днем. Я прикоснулась к замкам на перилах и внезапно подумала, что все наши «отношения» могут закончиться прямо здесь – на мосту влюбленных, под мигающими огнями Эйфелевой башни, в самом романтичном городе Европы.

Такая мысль посещала меня уже не в первый раз.

Не стоило приезжать в Париж.

Угораздило же меня сотворить такую несусветную глупость. Надо было сидеть дома, закопавшись в книги, и работать над дипломом (ключевым словом в сегодняшней записи станет именно диплом!). Профессор Эдвардс считает, что мое исследование вполне может оказаться в числе лучших на факультете, говорит, что у меня – цитирую – очень зрелый взгляд на творчество Остен. «Вы чуткий и внимательный читатель, Алиса, – сообщил он. – И питаете явную слабость к обреченным героиням».

Несмотря на похвалы профессора, я страшно переживаю. Защита диплома – это еще полбеды, на ней нервотрепка не закончится: впереди маячит поиск работы. (Бена такие вопросы не тревожат: зачем искать работу, если тебя содержат мама с папой?) Иногда мне кажется, что я слишком туго соображаю. Вот, например, в шоу «Самый умный» могу с налета взять десяток вопросов, а в викторине «Дуэль университетов» – только четыре-пять. Если бы я была каким-нибудь прибором, айпадом или стиральной машиной, меня бы сняли с продажи и

забрали в ремонт, но с людьми такой фокус не пройдет. Хотя если внимательно присмотреться к моему изготовителю, то есть к маме, сразу станет ясно, что у нее тоже заводской брак. Когда я расспрашиваю маму про молодость, она молчит, будто воды в рот набрала. «Жизнь такая штука: не надо ждать, пока стихнет гроза, надо учиться танцевать под дождем», – сказала она мне в один прекрасный день.

Раньше я считала, что дневник – это отличный способ выпустить пар. Потом оказалось, что толку от него совсем немного, примерно как от большого словарного запаса: даже если ты можешь потягаться в красноречии со Стивеном Фраем, на деле твои слова (несметные сонмища слов!) нужны только для того, чтобы тысячей разных способов рассказать, как погано у тебя на душе. Ни одно из словечек, которыми Фрай сыплет на своем телешоу, не сумеет прогнать ЕГО. Слова только придадут ему новую форму, новый звук, новый вид.

Конечно, у меня есть проверенный способ борьбы со стрессом. Сегодня я уже поглядывала в сторону гостиничной ванны, вспоминая о другой ванной комнате. Это было несколько лет назад: я тихонько открыла шкаф с аптечкой, вытащила оттуда пластыри, капли для глаз, маникюрные ножницы, парацетамол – выложила их на край ванны, потом аккуратно поставила в ряд, будто передвигая фигурку в «Монополии» (я всегда играла собакой).

Я почувствовала дрожь и потянулась к телефону. Бен сказал, что сбегает за сигаретами, но наверняка по дороге заскочил в какой-нибудь бар. «Возвращайся», – пишу я ему. Вчера все закончилось как обычно, беседа на мосту ничего не изменила. Мы не сдвинулись с мертвой точки ни на сантиметр. Я судорожно набрала номер Бена.

– Алиса, – он ответил с удивлением, будто ждал кого-то другого.

У меня перед глазами всплыла картинка: вот он стоит, опираясь о перила моста, голова запрокинута, с губ срывается сигаретный дым. Стоит и думает обо мне. Я сразу почувствовала себя героиней книги, только никак не могла определиться, какая я – роковая и трагическая, дерзкая и отчаянная?

– Ты где?

– Яблоки покупаю.

– Я серьезно. Где ты?

– Гуляю.

У него заплетался язык. Я окончательно решила, что так продолжаться не может. Нашим отношениям пришел конец, правда, рыдать в подушку буду именно я, а не Бен. И я почти ненавидела его из-за этого.

– На самом деле я тебе тут подарок купил, – сказал он. – Сюрприз!

Полчаса спустя пришло еще одно сообщение: «Скоро принесу подарок. Наденешь его для меня, ладно?»

Меня охватило предвкушение, и стало немного стыдно.

– Ты моя Афродита? – спросил Бен вечером, когда мы пили вино в номере отеля.

Вот уж точно, я питаю явную слабость к обреченным героиням.

Сначала я работала над дипломом, а потом стала смотреть в окно на проносящиеся мимо сельские пейзажи и взялась за дневник.

Когда мне было двенадцать, пятнадцать, семнадцать, я совсем не так представляла свои двадцать лет. Не думала, что буду мчаться на скоростном поезде из Парижа, возвращаясь домой из поездки с человеком, который даже не может назвать меня своей девушкой.

Бен дрых как младенец. Такой доверчивый, беззащитный. Взъерошенные светлые волосы и ровные белые зубы. Он не пошевелится, пока мы не подъедем к вокзалу Ватерлоо; потом встрепенется, потянется, вытащит рюкзак с верхней полки, и мы отправимся в Саутгемптон. Там Бен исчезнет с горизонта на несколько дней, а потом пришлет сообщение, какую-нибудь глупость о прошедших выходных – песня Нины Симон в том баре, Венера Милосская или яблоки. Да, ему точно запомнятся такие мелочи: про то, что яблоком, брошенным с Эйфелевой башни, можно запросто убить прохожего.

Но ответа он не получит.

– Нам надо держаться вместе, – как-то заявил Бен, покрасневший от испуга, после того как я на него накричала. – Да и вообще, – добавил он с прежней самоуверенностью, – ты не можешь бросить меня, ведь мы даже не встречаемся!

После той перепалки мы долго не виделись: несколько месяцев вместо пары недель. Но потом встретились снова, и я позволила этому случиться. Знаете, как бывает: конец праздника, оркестр играет последнюю песню, или ты стоишь рядом с кем-то в студенческом клубе, или во время вечеринки вы остались вдвоем на кухне – между нами царит какая-то мрачная неизбежность. Такой уж я родилась: бросаюсь в омут, даже если внутренний голос кричит (внутренний голос умеет кричать?) «не смей!». Влезаю в долги. Говорю домовладельцу, что он сволочь. Напиваюсь до беспамятства во время рождественской гулянки на кафедре антропологии – еще на первом курсе. С одной стороны, я рада, что почти не помню тот вечер. С другой... мне обязательно нужно вспомнить. В голове мелькают отдельные вспышки. Канапе с анчоусами. Болтовня об археологической находке в Индонезии, которую почему-то окрестили «хоббитом». Холодное вино («Не совсем отвратительно», – заявил профессор Кук; отметил, что сам он предпочитает красное, и долго разглагольствовал о разных видах вина и сортах винограда, хотя я в этом ничего не понимала). Потом табличка на стене, и я пытаюсь прочитать надпись, но буквы плывут и слипаются. Смех, голос Старого Крекера: «Кажется, вам пора домой, юная леди».

Бен заворочался на сиденье и сонно спросил: «Где мы?»

Грустно, теперь мы не сможем даже толком поговорить про эту поездку. Мы ведь наверняка запомнили ее по-разному.

Доктор Эдвардс вечно талдычит о перспективе и точках зрения. «Чьими глазами ты смотришь на все события? – спрашивает он. – Кто рассказывает эту историю? Кто ее герой?»

Бен встряхнулся, зевнул, потер лицо, и на мгновение я засомневалась.

«Слишком поздно», – подумала я.

– Мы все герои собственных историй, – как-то сказал мне доктор Эдвардс.

– Или героини, – ответила я. – Не забывайте про героинь. В конце концов, неизвестными авторами почти всегда были женщины.

– Меткое наблюдение. Искраженная цитата из Вирджинии Вульф, если я не ошибаюсь.

И тут меня накрыло осознанием одного простого факта. В моей истории героиней была я. Только я и никто иной.

– Есть хочется. Давай купим бейглов, – предложил Бен, а я подумала: «Кретин, мы бы купили бейглов, но ты проворонил свой шанс. Второго не будет. Хотя нет, у тебя уже было примерно шесть вторых шансов. Даже не рассчитывай на седьмой».

Он ничего не подозревал. Мне было его жалко – совсем чуть-чуть.

* * *

Письмо, отправленное профессором Джереми Куком, 4 марта 2012 г.

От: jfhcooke@gmail.com

Кому: Elizabeth_salmon101@hotmail.com

Тема: Держись подальше от моей семьи

Дорогая Элизабет!

Прими мои искренние соболезнования. Они не вернут Алису, но я все равно глубоко сочувствую твоей семье. Говорят, слова скрывают в себе огромную силу, но, когда приходит горе, мы не можем подобрать нужных фраз – все они

кажутся жалкими и неуместными. Я хотел отправить открытку, затем передумал: мое опрометчивое письмо уже успело натворить бед. Прошу прощения, если допустил бестактность.

Ты сразу бросилась на защиту Алисы. Совершенно естественная реакция, ведь ты ее мать, но прошу тебя, выслушай: мое «исследование» – это в первую очередь дань памяти, а не некролог. Я не собираюсь копаться в слабостях Алисы, в конце концов, всем нам свойственно ошибаться. Ты же знаешь, Лиз: в первую очередь меня интересуют люди, люди во всем своем ярком и ослепительном многообразии. Алиса была именно такой – яркой и ослепительной.

В квазиакадемических начинаниях действуют те же законы, что и в жизни. Работу нельзя оценить на середине пути, нужно дождаться окончательных результатов. Сколько друзей и коллег Алисы согласились мне помочь! Неужели ты не рада? Даю слово, что не запятнаю память о ней грязью.

Еще раз подчеркиваю, это личный проект, университет не имеет к нему никакого отношения. По правде говоря, мне уже опротивела наша профессура, ее снобизм и ограниченность. Разумеется, я остерегаюсь повсеместно использовать слово «исследование», но не могу перестать быть ученым – как ты не бросишь свое строительное общество, твой муж не махнет рукой на ремонт систем отопления, а сын не откажется от карьеры юриста. Видишь, вот они, следы, которые мы оставляем: одна короткая вылазка в Интернет – и я уже в курсе всей вашей жизни.

У твоего сына двое детей (с ума сойти, Лиз, ты уже бабушка!); он получил статус партнера в солидной адвокатской фирме – огромное достижение для такого молодого человека. Наверное, слово «молодой» тут не совсем уместно, просто я уже в том возрасте, когда все вокруг кажется молодыми – за исключением друзей моего детства, разумеется, которые начинают выбывать из игры с пугающей скоростью. Теперь я встречаюсь с ровесниками исключительно на похоронах. В этом году – уже дважды, а ведь еще только начало марта. Кажется, я могу проделать все нужные действия с закрытыми глазами: процессия, рукопожатия, сбивчивые соболезнования и объятия – ты знаешь, я никогда не любил обниматься. Даже гимн «Пребуди со мной» помню до последней строчки, черт его возьми.

Не хочешь встретиться? За чашкой кофе или чего-нибудь покрепче. Если Саутгемптон таит слишком тяжелые воспоминания, можно выбрать «нейтральную территорию». Я бы рассказал тебе – и снова прости за бестактность! – о своих находках.

По-моему, Алиса, настоящая Алиса (ведь я столько всего узнал о ней за прошедшие недели) очень сильно отличалась от той девочки, которую в ней видели окружающие. Она была глубже, сложнее. Вы с ней очень похожи.

Как ты поживаешь, Лиз? Я слышал, ты поселилась в Корби. Наверное, Саутгемптон кажется полузабытым сном. А я вот остался здесь, просиживаю штаны в прежнем кабинете. Скоро день рождения, важная дата – шестьдесят пять. Значит, тебе сейчас пятьдесят четыре. Здоровье уже не то, но Флисс все равно позвала меня в ресторан: небольшой деревенский отель в Нью-Форесте, отличное красное вино из Италии и превосходная оленина. Мы ходим туда каждый год и всегда заказываем один и тот же столик. Мне нравится поддерживать традиции.

Больше никто не зовет меня Джемом.

Твой Джем

* * *

Публикация в блоге Меган Паркер, 8 февраля 2012 г., 21:30

Возможно, я совершаю огромную ошибку, но порой нужно следовать зову сердца. «Публикуй, и гори оно синим пламенем!» – вот как обычно говорила Алиса.

Она была хорошим, честным журналистом, стремилась изменить мир. Не строчила статьи о реалити-шоу или новой собачке Кэти Перри, не пыталась подловить знаменитостей, когда они вываливались из ночных клубов, едва держась на ногах, или возвращались домой, взмокшие после пробежки, и искренне возмущалась скандалом с прослушкой телефонов, как и мы все. Она могла неделями выслеживать мерзавца, укравшего сбережения у какой-нибудь

старушки, или нечистого на руку строителя, не закончившего работу и обобравшего несчастную семью. Так что я последую ее примеру. Хуже все равно не станет.

«Иногда тебе в руки попадает ответ, хотя ты еще не знаешь вопроса, – говорила Алиса. – Нужно просто поделиться этим ответом».

Я нашла свой ответ в коробке с вещами Алисы, которую мне отдала ее мама. Бедная миссис Сэлмон не могла прикоснуться к ней без слез. Там лежали разные мелочи: старые выпуски «Космо», стопка товарных чеков из «Эйч энд Эм», распечатка плана благотворительной акции, которую хотела провести Алиса, приглашение на свадьбу, разные рабочие записи... но среди прочих бумаг мне попался большой лист, на котором почерком Алисы было написано: «Получено 21-го декабря 2011 г.».

Я два часа не могла решить: написать про него в блоге или нет?

Публикуй, и гори оно синим пламенем!

ПОМНИШЬ МЕНЯ, МИСС ПОЙМАЙ-ПРЕСТУПНИКА? ГОРДИШЬСЯ СОБОЙ, ДА? АРЕСТУЙ НЕГОДЯЯ И СПИ СПОКОЙНО, ХА. ТЫ НАЗЫВАЛА МОНСТРАМИ ВСЕХ БЕЗ РАЗБОРА. ЧТО Ж, ТЕПЕРЬ ПРИДЕТСЯ ПООСТЕРЕЧЬСЯ, А ТО У ТЕБЯ ПОЯВИТСЯ СВОЙ ЛИЧНЫЙ МОНСТР. КАК ТЕБЕ ТАКАЯ ИДЕЯ? РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНСТР – ВЕСЕЛО, А? БОИШЬСЯ МОНСТРОВ? КЕМ ТЫ СЕБЯ ВОЗОМНИЛА, ЗАНОСЧИВАЯ ДРЯНЬ? РАЗВЕЛА КАМПАНИЮ, НО РОВНЫМ СЧЕТОМ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ. МНЕ НЕ СТРАШНО. А ТЕБЕ? КРЕПКО СПИШЬ ПО НОЧАМ? Я СЛИШКОМ ДОЛГО БЫЛ ПАЙ-МАЛЬЧИКОМ, ПОРА ПОШАЛИТЬ. ОБЫЧНО ПРЕДПОЧИТАЮ ЖЕНЩИН ПОСТАРШЕ, НО ДЛЯ ТЕБЯ СДЕЛАЮ ИСКЛЮЧЕНИЕ.

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Комментарий к посту в блоге:

Ты такая же ШЛЮХА, как и твоя подружка. А тебе крепко спится, Меган Паркер?

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

* * *

Интервью с Алисой Сэлмон осенью 2005 года, студенческий журнал Саутгемптонского университета «Голос»

Вопрос. Почему ты выбрала такую специальность?

Ответ. Мой учитель говорил, что в школе можно полюбить какого-нибудь писателя, а университет помогает разобраться, почему твоим избранником стал именно он. Я хотела понять, как юная затворница Эмили Бронте смогла придумать такую глубокую историю. Она ведь никогда не выезжала из дома, а Интернета в те времена не было. Вся ее мудрость проросла на вересковых пустошах Йоркшира под пронзительными ветрами. Хм, пожалуй, мне стоит запомнить эту фразу: «проросла на вересковых пустошах Йоркшира под пронзительными ветрами»!

Вопрос. У тебя есть парень?

Ответ. Нет, но я с радостью рассмотрю все предложения. Правда, со временем у меня туго!

Вопрос. Стакан наполовину пуст или наполовину полон?

Ответ. Наполовину полон, без сомнений. Но если ты за меня заплатишь, то можно долить. Мохито, пожалуйста.

Вопрос. Любимое место?

Ответ. Саутгемптон. Особенно клуб «Флеймс» в среду вечером. Или любое место подальше от города, где может понадобится палатка и спальный мешок.

Вопрос. Кто тебя вдохновляет?

Ответ. Жители Нового Орлеана, восстанавливающие свои дома после урагана «Катрина». Я видела один клип: женщину вытаскивали из затопленного дома на спасательном тросе, и ей пришлось оставить там свою собаку – она положила в миску еды, зная, что обрекает бедняжку на смерть. Да, это не про человека, но я обрелась.

Вопрос. А что скажешь о политике?

Ответ. У меня есть мнения по всем вопросам, правда, непоследовательные и противоречивые. Одно могу сказать точно: условия для кредитов на образование у нас паршивые!

Вопрос. Чем будешь заниматься, когда вырастешь?

Ответ. Не могу ответить, потому что никогда не стану взрослой! А если серьезно, я бы хотела восстановить мир во всем мире, уничтожить бедность, бороться за равенство, хотя на деле наверняка окажусь безработной или вечным стажером. И это при условии, что мне вообще удастся получить диплом: сейчас, например, у меня болтается один хвост.

Вопрос. Опиши себя тремя словами.

Ответ. Верная, трудолюбивая, вечно опаздывающая. («Вечно опаздывающая» – это один эпитет, хоть и в двух словах).

Вопрос. Что бы ты изменила в себе, если бы у тебя была волшебная палочка?

Ответ. Ноги, волосы, плечи... Можно продолжать бесконечно.

Вопрос. Отчего ты можешь рассердиться?

Ответ. Стандартный список. Несправедливость. Насилие. Эгоизм. На себя сержусь иногда. А, еще жутко сержусь, если кофе холодный. Терпеть не могу холодный кофе.

Вопрос. Самые ценные вещи в твоей жизни?

Ответ. Айпод, семья, друзья. Порядок произвольный...

Вопрос. Назови лучший совет, который тебе давали.

Ответ. Удачлив тот, кто верит в свое везенье. Знаменитая цитата, не помню, кто сказал.

Вопрос. Если выиграешь в лотерею миллион фунтов, как потратишь деньги?

Ответ. А преподаватели в университете берут взятки?

Вопрос. Самое важное достижение?

Ответ. Победа в конкурсе эссе, мне тогда было пятнадцать.

Вопрос. Самое большое сожаление?

Ответ. Je ne regrette rien[3 - Ни о чем не жалею (фр.).]. Хотя нет, жалею. Но если ты об этом узнаешь, мне придется тебя убить.

Вопрос. И наконец, расскажи нам какой-нибудь личный секрет.

Ответ. Когда я была маленькой, я любила обманывать незнакомцев: придумывала себе другое имя, новую жизнь – притворялась другим человеком.

Хочешь стать героем этой колонки? Денег ты не получишь, но твое имя появится в самом интересном журнале Саутгемптона, и тебе достанется личная минута славы (точнее, пятнадцать вопросов славы).

* * *

Письмо, отправленное Элизабет Сэлмон, 18 марта 2012 г.

От: Elizabeth_salmon101@hotmail.com

Кому: jfhcooke@gmail.com

Тема: Держись подальше от моей семьи

Ты ни капли не изменился, Джем. Твоя работа, твой день рождения, твои вина... А ведь сейчас речь не о тебе. Я не студентка. Да, ты нашел в Сети информацию о нас. Я должна затрепетать и преклонить голову? Вряд ли это можно назвать откровением: мы все оставляем там след, ты тоже. Ничего не меняется. Ученики по-прежнему считают тебя холодным и высокомерным типом. Как бы ты ни бился, тебе не удалось совершить открытие в области фонологии. Кавалером ордена Британской империи ты тоже не стал. Неприятно смотреть на список собственных неудач и недостатков, правда? Собирать по кусочкам надо не жизнь Алисы – твою. Ты счастлив? В семье все в порядке? Не переживаешь из-за того, что у вас нет детей? Нравится, когда тебя разглядывают под микроскопом?

Я ни за что не стала бы задавать таких вопросов, если бы ты не начал копать в прошлом Алисы – ты просто загнал нас в угол. У каждого человека есть личные тайны. Хватит и одного вскрытия. Прекрати свои издевательства... очень прошу. Мне не нужны заумные объяснения и обоснования – просто прекрати.

Готова поспорить: на пороге твоего дома никогда не появлялся журналист и не просил прокомментировать смерть близкого человека. А вот в нашем доме такое случилось. Газетчики называют это «навестить покойника». Раньше им нужны были фотографии, но теперь снимки можно найти в Интернете, поэтому они гонятся за личными комментариями. Когда Алиса впервые устроилась на работу, ей тоже велели «навестить покойника»: взять интервью у матери мальчика, которого сбила машина, – водитель скрылся с места происшествия. А она отказалась. Представляешь, зеленая девчонка, только-только из колледжа, еще не знает, где в редакции стоит чайник, а уже возражает начальству. Сказала ему, что стала журналистом совсем по другой причине.

Я так устала читать всю эту чушь. Кажется, Алиса скоро утонет в море лжи. Мы знаем факты: в ее кровеносной системе было обнаружено 210 мг алкоголя. Эти стервятники не понимают, что такое «несчастный случай»?

Хочешь посмеяться? Сложись все чуть-чуть иначе, Алиса никогда не приехала бы в Саутгемптон; ей предложили место в Оксфорде. Мертон-колледж. Разумеется, я расписывала преимущества старого университета и была согласна на все – лишь бы не Саутгемптон! – но ей хотелось чего-нибудь «настоящего». Я рада, что вырвалась оттуда. Изо дня в день вращаться среди своих академических соплеменников – это было невыносимо. Слишком тесный мирок, а на мне лежало несмываемое пятно.

Джем, она ведь не головоломка, которую надо собрать, не пыльная археологическая находка, которую следует почистить и отправить на выставку. Она не твоя. В жизни Алисы и так копаются слишком много любопытствующих. Выбери себе другую жертву и оставь мою дочь в покое. Не повторяй прошлых ошибок: загоревшись новой идеей, ты путал факты и вымысел, завязывал мир узлом, лишь бы он вписался в твою версию реальности. Нет, я не хочу «встречаться за чем-нибудь покрепче», я уже давно бросила пить, да и мужу вряд ли понравится, если мы с тобой соберемся на дружеские посиделки. Я ни словом не обмолвилась о нашей переписке, не хочу его ранить. Надеюсь, что ты поведешь себя как порядочный человек и сохранишь все в тайне.

Хотела привести еще один довод, но потеряла мысль... Можешь не отвечать – если только вдруг не научишься воскрешать мертвых; но сдается мне, что эта задача не по плечу даже такому заслуженному антропологу.

Я прошу тебя по-человечески. Прекрати, чем бы ты ни занимался. Если придется, буду умолять на коленях. Я очень скучаю по своей малышке, Джем.

Лиз

* * *

Заявление, предоставленное поверенным от лица Холли Диккенс, Сары Хоскинс и Лорен Ньюджент, 6 февраля 2012 г., 10:00

Алиса Сэлмон была добрым, щедрым и любящим человеком: трудно осознать, что ее больше нет с нами.

Яркая, красивая, популярная – мы всегда гордились тем, что входим в ряды ее многочисленных друзей. Мы глубоко скорбим, но наше горе и наша потеря не сравнятся с горем ее семьи. Невозможно вообразить себе ту боль, через которую прошли родные Алисы. От всей души сочувствуем им.

Как было отмечено в различных источниках, первую часть вечера четвертого февраля мы втроем провели вместе с Алисой в Саутгемптоне в центре города. Разумеется, мы прилагаем все возможные усилия, чтобы помочь в расследовании произошедшей трагедии. Мы питаем искреннюю надежду и уверенность в том, что в ближайшее время властям удастся восстановить цепочку зловещих событий, приведших к смерти Алисы. Истина не вернет нашу подругу, но принесет хотя бы малую толику утешения ее близким. К сожалению, нам не удалось пролить свет на произошедшее: мы не знаем, куда Алиса направилась после 22:00.

Остается только мучительно перебирать догадки о том, что она делала и где была в последние часы перед смертью. Мы не позаботились об Алисе, не защитили от беды – и будем жалеть об этом всю свою жизнь. Это наша вина и наша ошибка.

Мы стремимся не разжигать досужие домыслы, потому что хотим почтить память Алисы. По этой же причине мы отказываемся давать какие-либо официальные комментарии. Кроме того, в полиции нам порекомендовали придерживаться именно такой линии поведения. Мы просим всех заинтересованных лиц проявить уважение и не вмешиваться в частную жизнь семьи Сэлмон.

* * *

Письмо, отправленное профессором Джереми Куком, 30 мая 2012 г.

Ларри, со мной приключилось возмутительное происшествие.

Сегодня утром ко мне в кабинет влетел какой-то малолетний оборванец и заявил:

– Мне нужен тот тип, который пытается воскресить мертвую девушку. Это ты?

– Позвольте не согласиться с подобным описанием, – ответил я.

Он кинул рюкзак на стол и извлек оттуда компакт-диск, кеды, кружку и одну сережку без пары.

– Какого черта?!

– Я пришел не с пустыми руками, – сказал мальчишка. – Это вещи Алисы.

– Вы их украли?

– Можно сказать и так. Она плевать на меня хотела, а я просто с ума сходил – вот и решил стащить пару сувениров на память, раз уж мне все равно больше ничего не светило.

– Если это действительно вещи Алисы, нужно передать их Лиз. Элизабет Сэлмон, ее матери.

– Не беспокойся, я не вру.

– Кто вы такой? Как вас зовут?

– Не имеет значения.

– Имеет. Для исследования нужны подробные сведения.

– Тогда напиши, что я заинтересованное лицо. Такое, знаешь, очень заинтересованное. Я со всеми хорошо знаком: и с ней, и с ее друзьями – побывал в самой гуще событий.

– Вы ее однокурсник?

– Ага. И бывший сосед. На втором курсе жили в одном доме. Я знаю много секретов, старик.

– То есть вы были близкими друзьями?

– Еще какими! – Он скрестил пальцы и помахал рукой. – Вот такими вот! С ней, с ее компанией, с ее парнями. Любые подробности по твоему капризу и по установленной цене!

Он откопал в рюкзаке белую футболку, развернул. На груди красовалась надпись: «Если в раю нет шоколада, к черту рай!» Мальчишка ткнулся в нее носом и глубоко, будто в бреду, вдохнул.

– У меня много таких сокровищ.

– Это ее футболка? Как она у вас оказалась?

– Дом был большой, мы жили там вшестером. В таких условиях мелочи быстро теряются: бросишь, забудешь, а оно потом куда-нибудь завалится. Как ни

прискорбно, – он ухмыльнулся, – хозяйку этих мелочей завалить мне не удалось. На самом деле все было проще простого: стоило Алисе хорошенько набраться, как у нее все из рук сыпалось. Прихватил пару вещичек, потому что хотелось быть к ней поближе. Мозги у меня на месте, я не тащил все сразу. Тут надо соблюдать осторожность – все равно что баловаться со спиритической доской.

– Не вижу ничего общего.

– А здесь повесят табличку с именем Алисы?

– В университетах предпочитают не привлекать внимания к выпускникам, погибшим при неясных обстоятельствах.

– Тогда у твоей затеи мало сторонников, старик. Ты ведь собираешься сделать из нее знаменитость. – Он рассеянно уставился в стену. – Эх, спортивная была девчонка, подтянутая.

Раньше я никак не мог смириться с мыслью о том, что у нее были мужчины. Когда Алиса поступила в университет, я злился на каждого мальчишку-первокурсника – страшно было представить, что какой-нибудь зеленый юнец с рюкзаком, бейджиком и улыбкой во весь рот будет к ней прикасаться. Ты ведь знаешь, что меня занимало в то время, Ларри. Однажды я увидел Алису на выходе из общежития. Даже спросил у коменданта, где она живет – ДЗ, корпус Бейтс, – и стал ждать. Хотел дотронуться, когда она проходила мимо. Что тут такого? Я просто шел следом: можно было положить ладонь ей на плечо, коснуться поясницы или взять за руку – разве это преступление?

– Хочешь посмотреть на лучший экземпляр в моей коллекции? – поинтересовался мальчишка и протянул мне фиолетовые трусики.

– Вам надо лечиться.

– Потихе, профессор, зачем грубить? У нас много общего. Я бы вернул эти трусы хозяйке, да только теперь они ей не пригодятся.

Ларри, ты ведь и сам был равнодушен к чарам молодых девушек. По твоим словам, запах духов напоминал лучшие произведения Генделя – ты всегда был

чувствительной и поэтичной натурой. Однажды ты признался, что наблюдал за студентами из окна кабинета и терял голову от этих юных лиц. Ты говорил отстраненно, с научной объективностью. Я считал нас обоих эстетам. Если долго жить или работать на кампусе, то рано или поздно даже самые непривлекательные и застенчивые мужчины (разумеется, я говорю о себе, к тебе эти эпитеты не относятся) открывают для себя определенные «возможности».

– А что ты будешь делать с собранными уликами? – спросил мальчишка. Он огляделся по сторонам, будто ожидая обнаружить коробку с надписью «СЭЛМОН А.». – Твое исследование похоже на большой пазл, только неизвестно, какая картинка получится. Я вот считаю, что она сама себя прикончила, и ты наверняка думал над таким вариантом. Старое доброе харакири.

Я вспомнил резкий стерильный запах, царивший в кабинете у моего консультанта; он не сумел поставить точный диагноз сразу и тем самым вызвал у меня неприкрытое раздражение. «Я плачу вам такие деньги не за пустые догадки», – рявкнул я, а он дописал еще какую-то заметку в историю болезни.

Мальчишка по-прежнему сидел у меня в кабинете, мы молчали. Потом я не выдержал:

– А вы знаете, что означает это выражение?

– Ну да. Свести счета с жизнью.

– Нет, я имею в виду перевод. – Он посмотрел на меня пустыми глазами. – По-японски харакири – это «вспарывание живота».

Парень ничего не ответил. «Как же тяжело быть бессловесной тенью, – подумал я. – Как страшно, когда тебя никто не слышит». Может, именно поэтому мы и пишем? Именно поэтому Алиса вела дневник? У нее была отличная формулировка: дневник – это не попытка выделиться и крикнуть «Смотрите, как я умею!», дневник – это попытка остановиться посреди толпы и крикнуть: «Выслушайте нас!»

– Есть еще одно, более официальное название этого ритуала – «сеппуку». Но в устной речи гораздо чаще используется слово «харакири».

– Ну и что? Я не спрашивал про перевод, я спрашивал про твой проектик. Ты ведь изучал такой вариант событий?

– Нет, – ответил я, покривив душой. Обрыв у реки всегда манил к себе отчаявшихся и потерянных – я и сам иногда забредал туда, – но у полиции не было никаких сомнений: Алиса была пьяна, она просто поскользнулась и упала в воду.

– Почему про мертвых говорят только хорошее? При жизни она была больной на всю голову.

Я крутил в руках каменное пресс-папье. Подарок от Элизабет, единственная вещь, напоминавшая о ней. Ни фотографий, ни писем (мы не осмеливались так рисковать), только бесценный кусок серого камня, меньше головки младенца, меньше кулака. Огромная часть моей жизни сжата до крошечных размеров: кусок сланца с Чезил-Бич и наши воспоминания, остаточные следы химических реакций в липкой желеобразной массе, которую мы называем мозгом.

Парень встал, прошелся по кабинету, погладил корешки книг. «От человека к человеку» профессора Джона Винтера, «Там, где начинается мозг» Маргарет Монахан, «Картины прошлого» Гая Тернера. Я не выдержал:

– Не смейте их трогать!

– Кто все это пишет?

– Многие! И я в том числе. Внес свой вклад в несколько сборников.

– Что, довольствуешься ролью подружки невесты? – Он ухмыльнулся с неожиданной проницательностью.

Профессор влюбляется в студентку – какое истасканное клише, ты согласен, Ларри? В тот день я шел за ней следом, стискивая зубы и сжимая кулаки, и сердце билось быстрее. Будто я снова стал мальчишкой. Она пугливо осматривалась, как все первогодки, и постоянно смеялась – а те, кто много смеется, легко справляются с трудностями. Я бы тоже хотел смеяться почаще. Помнишь того статистика, который увлекался розовым джином и мальчиками, я

тебе про него рассказывал? Мы жили по соседству. Однажды он назвал меня «старым сухарем», но тогда я счел эту фразу комплиментом: мне хотелось показать всем вокруг, что я рафинированный интеллигент и меня нельзя рассмешить жалкими банальностями. Такое поведение, по моему искреннему убеждению, являлось неотъемлемым атрибутом творческого мышления, которому я планировал посвятить себя в будущем. В конце концов я добился вершин мастерства в этом нелегком деле, а вот с творческим мышлением так и не сложилось.

– Ради бога, уберите их, – сказал я, кивнув в сторону белья. – Кому бы они ни принадлежали.

– Алисе, не сомневайся. Оставь себе на память, – ответил парень. – Маленький дружеский презент. Хотя ты-то знаешь, что бесплатного сыра не бывает, профессор. – Он откинулся на спинку кресла и повесил трусы на лампу, стоявшую на столе. – Безответная любовь –дохлое дело, согласен?

На стене висят фотографии. Моя жена. Милли, наш лабрадор в 1990-е годы. Черно-белый снимок со мной и мамой. Этот мальчишка на фотографии – знал ли он, что ждет впереди? Широкая, полная тревоги улыбка. Он даже не задумывался о том, что жизни рано или поздно придет конец, что искорка, заставляющая его просыпаться по утрам, прятать полевые цветы между пожелтевших страниц дедушкиной Библии, смотреть широко открытыми глазами на звездные атласы и в микроскоп, – что эта искорка когда-нибудь погаснет. Разве мог он представить, как смерть впервые посмотрит ему в глаза? Врач сказал: «Анализы дали непредвиденный результат».

Парень потыкал стопку книг, на которую свалились трусики.

– Эх, ну просто жуть!

Не уверен, что это выражение покажется тебе знакомым, Ларри; насколько я понял, оно значит «потрясающе». Теперь я во многом не уверен. Не знаю, смогу ли когда-нибудь увидеть твою прекрасную родину. Наверное, пациентам с моим диагнозом рекомендуется избегать перелетов; лучше не покидать дом и держаться поближе к врачам, таблеткам и процедурам. Так действует недуг, я выяснил на собственном опыте: постепенно, незаметно разрушает тебя по кусочкам. Путешествия, сексуальное влечение, цель в жизни. Будто вычеркивает

цифры из уравнения или разбирает на атомы молекулярную модель – и в итоге остается поломанный механизм, даже отдаленно не похожий на прежнего человека.

– Книжки, кабинет... Ты прямо герой фильма! Великий человек.

– Я буду считать это комплиментом.

– Чем хочешь, тем и считай. Давай-ка лучше поговорим про письмо.

– Какое письмо?

Мой взгляд зацепился за его руки: предплечья полностью покрыты татуировками – красными, зелеными, синими, желтыми.

– Вы далеки от оригинальности. – Я заинтересовался против воли. – Люди тысячелетиями наносили узоры на свое тело. У Эци они тоже были.

– У кого?

– У Ледяного человека. Мумия эпохи каменного века, открытая нами в девяносто первом году. Ему было больше пяти тысяч лет.

– Ни фиги себе! – выдохнул он.

Никаких «нас» в том открытии не было. Я снова оказался сторонним наблюдателем.

– У него были карие глаза, первая группа крови, на момент насильственной смерти ему исполнилось сорок пять лет. В последний раз он поужинал мясом серны. Возникла теория, что татуировками снимали боль – бедняга страдал артритом.

– Ты тоже один из них.

– О чем вы?

– Профессор, ты так отстраненно рассуждаешь о людях, телах и татуировках, будто сам относишься к другой породе. Но ты ведь такой же, как все остальные. Ладно, хватит нести чушь. Что будем делать с письмом, Ледяной человек?

– С каким письмом?

– Не надо прикидываться дураком. Твое письмо. Ты ведь у нас теперь местная знаменитость: представляешь, какой шум поднимется, если репортеры нападут на след? Они тебя на клочки порвут. Вместе с женой.

Он порылся в рюкзаке, извлек оттуда аккуратно сложенный листок бумаги и подтолкнул в мою сторону, прижимая ладонью к столу. Я узнал собственный почерк и вздрогнул. «Милая Алиса», – гласила первая строчка.

– Выметайтесь, или я сам выставлю вас за дверь.

Меня душила ярость. Будто мне снова было пятьдесят или сорок – давно не испытывал таких эмоций. В руках я по-прежнему сжимал пресс-папье, и меня посетила весьма необычная мысль: что будет, если ударить его камнем по темени? Заткнуть наглецу рот, убрать с дороги, заставить понять, что он не бессмертен, что всякая жизнь имеет свой предел? Я потер лицо, пытаюсь справиться с внезапным порывом.

– Она меняла людей, заставляла смотреть на мир по-другому, – сказал я. – Алиса по-настоящему затронула многих.

– Меня она не тронула даже кончиком пальца. Может, тебе перепало больше? Или ты сам распустил руки? Что ты так побледнел, профессор, привидение увидел?

Ларри, все очень сложно. Все запуталось куда сильнее, чем мы думали.

Я действительно проверял теорию этого щенка и рассматривал версию суицида наравне с другими возможностями. Моя задача – отыскать нужные факты среди хаоса и безумия. Работа полностью поглотила меня, и потому писем не было слишком долго. Ты ведь простишь мне эту оплошность? Пытаюсь обнаружить закономерности, но мой ум уже не так остер, как раньше. С каждым днем узнаю

все больше подробностей, они оседают у меня в голове, выходят на первый план, а из глубин памяти поднимаются воспоминания – то четкие, то расплывчатые. Мне нужна истина, Ларри, во всей своей кровавой и непристойной наготе. Я знаю, она лежит на поверхности, скрытая в умах и сердцах горстки людей, однако все тайное всегда становится явным. Это моя работа: углубляться в детали, проверять факты, искать доказательства, отделять правду от вымысла там, где смешались ложь, любовь, обида, измена, предательство и убийство.

Я сидел перед зарвавшимся мальчишкой и пытался вдохнуть. Вернуть к жизни сразу несколько трупов.

Письмо лежало на столе – очевидное и неоспоримое подтверждение моих поступков, любовное послание с горькими откровениями, в которых желание защитить переплеталось с куда более низменными инстинктами.

Боже, что я наделал?

Искренне твой,

Джереми

* * *

Статья на веб-сайте «Южный обозреватель», 7 декабря 2012 г.

Дело Сэлмон: полицейский уволился после «звонка с того света»

Полицейский, первым прибывший на место смерти Алисы Сэлмон, рассказал журналистам о страшных событиях того вечера.

Майк Барклея сообщил «Южному обозревателю», что трагедия, которая уже почти год не покидает страницы газет, подтолкнула его к непростому решению – уйти из полиции спустя почти тридцать лет службы.

Официальное расследование все еще не закрыто, но бывший страж порядка говорит, что он с первого взгляда заметил признаки сексуального насилия – «топ на девушке был разорван и стянут наверх».

Отец троих детей сразу понял, что перед ним труп, и даже не пытался вытащить погибшую из реки: вместо этого он вызвал подкрепление. «Если бы тело унесло течением, я бы пошел по берегу вслед за ним. Но там было много водорослей, – сказал Барклей. – Прохожий, позвонивший в службу спасения, сидел прямо на земле. Парень был в глубоком шоке и все время твердил, что он тут ни при чем.

Потом приехал сержант, и я отчитался перед ним, а через некоторое время на место происшествия нахлынула целая толпа народа: департамент уголовных расследований, специалисты по осмотру места преступления, инспектор по чрезвычайным ситуациям, водолазы, ассистенты. Нам нужно было срочно перекрыть участок, включая тротуар, лестницы и мост, чтобы сохранить улики в целости и предотвратить доступ гражданских лиц.

Вскрытие показало, что смерть наступила в результате утопления, а коронер впоследствии доложил о наличии в крови Сэлмон алкоголя и наркотических веществ. Он не подтвердил факт насильственной смерти или самоубийства, но отметил «ссадины и порезы на лице, царапины на коленях и обширную свежую гематому на правом плече».

Кровоподтеки на ее лице были заметны даже при плохом освещении и с большого расстояния. Я бы предположил, что травму нанесли твердым тупым предметом. Все выглядело так, будто ее ударили по лицу».

Барклей пережил настоящий шок, когда зазвонил мобильный телефон Сэлмон: «Он лежал в грязи у самой воды и все звонил и звонил. Человек, набравший номер, даже не подозревал о страшных новостях.

Проработав в полиции тридцать лет, успеваешь отрастить толстую кожу. Но моя младшая дочка – ровесница Сэлмон, и тут никакая кожа не спасает».

Барклей признался, что до сих пор испытывает прилив ужаса, когда слышит стандартную мелодию вызова, стоявшую на телефоне Сэлмон.

Вот как он закончил свой рассказ: «Пока служишь в полиции, сталкиваешься со всяким. Однако то дело зацепило меня слишком глубоко. На следующий день у внучки был день рождения, и когда она задувала свечи на торте, я тоже загадал желание».

* * *

Рецензия в музыкальном журнале Саутгемптона «Стант», автор Алиса Сэлмон, 2005 г.

«Взрывные парни» устроили отличное шоу.

Сцена в «Памп-хаус» давно не видела такого стильного и дерзкого выступления: ребята отыграли часовой сет и порадовали поклонников потрясающей музыкой.

Всеми любимый концертный зал был забит до отказа: послушать местное трио пришли две сотни студентов.

Признаюсь сразу, автор рецензии глубоко заинтересован творчеством группы. Однажды мне довелось пообщаться с солистом в баре на Ист-стрит, и я трепетала перед ним, как четырнадцатилетняя фанатка. Журнал «Стант» может раскрыть вам его настоящее имя – Джек Саймондс. Джеку девятнадцать, он из Хэмптона и похож на современного лорда Байрона: растрепанные темные локоны, обтягивающие джинсы, обаяние и меланхоличность.

На час мир замедлил движение. Долги, экзамены, домовладелец-фашист – все отступило на задний план, осталась только музыка, которая заполнила зал и наши сердца. В печальной и глубокой песне «Доброе утро» ребята рассказывали о сложностях отношений: «Чужие люди проснулись рядом, я взглянул ей в лицо, она была печальна». Потом прозвучала лиричная песня «Прочь» о тяготах расставания с родным домом – тот самый миг, когда «мы оглядываемся на прежний мир, он так мал, а мы уже выросли, мы расправляем плечи и идем вперед». Но у них есть и веселые тексты. В безумно смешной и явно автобиографической песне «67 пенсов» поется о том, каково жить без гроша за душой. А еще мне очень нравится «Ты убиваешь меня» – гимн безымянной первой любви (повезло девчонке!), которая «разбила сердце мне, и глазом не

моргнув».

Видно, что на их творчество повлияли самые разные коллективы. «The Libertines», «Oasis» и даже Эми Уайнхаус. Но ребята смогли создать из этого свой собственный уникальный стиль. Стиль «Взрывных парней».

Моя любимая песня – это «Доза», пронзительный анализ зависимости. Джек, одиноко стоявший посреди сцены, мелодично и измученно поведал залу о ясности, спокойствии и смелости, которые порой приносят наркотики. «Я захожу в кабинку, я глотаю таблетку, вдыхаю пыльцу, серебристая рыбка под языком...»

Разумеется, на сцене он был не один – с ним играли Каллум Джоунс (19) и Эдди Кокс (20). Как сказал Джек, они дружат со школы, их объединяет музыка и стремление изменить мир. «Мы тут подумали: нам есть что рассказать!» – крикнул он залу.

Мы слушаем, Джек. Мы очень внимательно слушаем.

Если верить музыкальным экспертам, в этом бизнесе большую роль играет удача, и сейчас «Взрывным парням» не хватает только ее, чтобы начать покорять хит-парады. Один девятнадцатилетний студент-математик сказал мне, что это был лучший концерт в его жизни, и хотя я не могу с ним полностью согласиться – по мнению автора рецензии, выступление «Pulp» в клубе «Аполлон» в Манчестере прочно стоит на вершине пьедестала, – ребята вполне могут претендовать на заслуженное второе место.

Понятно, почему у «Взрывных парней» уже есть верные поклонники в университетских кругах. После концерта Джек остался в баре со своими слушателями. (Вам будет приятно услышать, что автор рецензии тоже остался в баре до закрытия – все ради журналистского расследования для журнала «Стант»!)

Мне выпала честь побывать на концерте великолепной группы. У нас на глазах складывался новый этап музыкальной истории. Наверное, точно так же чувствовали себя зрители на первом выступлении группы «The Arctics». О таких событиях вспоминают даже много лет спустя. Вечер, когда «Взрывные парни» впервые сыграли в «Памп-хаус». Они заставят говорить о себе. Они еще прогремят по всему миру. Устроят самый настоящий Большой взрыв.

Определенно, теперь я буду ходить на все их концерты (кредит на учебу, о чем вы?). Университет может подождать. Музыка ждать не будет. Как пели «Babyshambles», пошло оно все к черту!

* * *

Публикация в блоге Меган Паркер, 12 февраля 2012 г., 21:30

Проверила личные сообщения Алисы в твиттере. Рада, что ты не послушалась моего совета и не сменила пароль, Salmonette... Кажется, ты пользовалась одним и тем же паролем на всех сайтах без исключения! Вот какую переписку я обнаружила, она датируется 15 января. Разумеется, я рассказала об этом полиции, но плевать они хотели. «Публикуй, и гори оно синим пламенем», так ведь, Алиса?

От @FreemanisFree. Я не забыл про тебя, моя маленькая защитница обездоленных.

От @AliceSalmon1. Кто это?

От @FreemanisFree. Потерпи немножко, мисс Поймай-Преступника. Всему свое время.

От @AliceSalmon1. Я тебя не боюсь.

От @FreemanisFree. Взаимно.

От @AliceSalmon1. Назовешь свое имя или кишка тонка?

От @FreemanisFree. Кишка у меня толстая, да и всем остальным природа не обделила. Хочешь глянуть?

От @AliceSalmon1. Ты жалок.

От @FreemanisFree. А ты труп.

От @AliceSalmon1. Перестань писать мне, иначе я сообщу в полицию.

От @FreemanisFree. Мне нравится твоя новая фиалетовая шляпка. Так бы тебя и трахнул.

От @AliceSalmon1. Гори в аду. И орфографию подучи.

* * *

Сообщения, отправленные Джеммой Рейнер и Алисой Сэлмон, 14 декабря 2011 г.

Дж. Р. Сочувствую по поводу Люка. Хочешь проветриться вместе с нами?

А. С. Не могу, лодыжку подвернула.

Дж. Р. В спортзале?

А. С. По пьяни!

Дж. Р. Когда успела?

А. С. На днях у Мег. Мы с лестницей не сошлись во мнениях. Во всем виноваты хлипкие перила.

Дж. Р. ЛОЛ, слабачка!:-*

А. С. Позвоню позже, поболтаем. Как дела с поиском квартиры? Устроим неторопливую пробежку в парке Баттерси на выходах?:-*

* * *

Письмо, отправленное профессором Джереми Куком, 10 июня 2012 г.

Дорогой Ларри!

Парень с татуировками сегодня снова ко мне заходил. Я решил покопаться в финансовых отчетах, до которых у меня давно не доходили руки, заглянул в кабинет – а этот наглец уже там, внутри, ждет моего появления. «Опять вы», – процедил я.

– Здравствуй, Ледяной человек, – откликнулся он. – Я тут подумал, что ты не откажешься еще раз почитать свое письмишко. – Он вытащил листок из рюкзака. – Даже не знаю, почему его не выкинул. Может, почувствовал родственную душу. Не ожидал, что по Алисе сохнет еще кто-нибудь, кроме меня. От таких новостей я даже начал таскать ее вещи с удвоенными стараниями. Классная задачка для психолога, а? Он бы наверняка сказал, что я пытался поднять ставки и обойти конкурента!

Письмо выплыло на свет. Этого следовало ожидать, Ларри, но я почему-то решил, что оно не могло уцелеть столько лет спустя – потерялось, намокло, рассыпалось в прах. В конце концов, это всего лишь бумага.

«Обожаю Саутгемптон. Мне нравится здесь учиться, несмотря на то, что в первую неделю после приезда какой-то озабоченный урод просунул мне под дверь любовную записку», – сообщила Алиса. В тот день она заглянула в мой кабинет, чтобы пропустить стаканчик после нашей ежегодной гулянки на кафедре.

«Какой кошмар, – я изобразил удивление. – Мотыльки слетаются на твой яркий огонек?»

«Скорее, мухи на дерьмо», – рассмеялась она.

Парень с татуировками сказал:

– Ты совсем больной, раз написал такое.

«В» с завитушкой. Высокая, заостренная заглавная «А». Мои слова, все, без исключения.

– Она решила, что ее кто-то разыграл, но я-то сумел отличить обычного придурка от настоящего извращенца. Что скажешь, Ледяной человек? Розыгрыш или псих? Я ставлю на психа, а ты? Давай, решайся – на кого ставишь бабки?

Он играл со мной, как кот с мышью.

– Мне нужно ваше имя, – сказал я.

– Друзья зовут меня Мокси. – Он вертел в руках записку. Щенок не имел права раскапывать прошлое. Мне в глаза бросались отдельные слова, фразы, синтаксические конструкции. По языковым средствам опытный лингвист сможет составить индивидуальную характеристику человека – как профиль ДНК, такая же надежная и точная. Я осмотрелся по сторонам. Диплом с научной степенью, выцветшая фотография, где я стою рядом с каким-то министром, вырезка из журнала: «Кук на пороге открытия» – про исследование, которое не принесло никаких плодов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19264489&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1

Автор использует игру слов. Фамилия главной героини Сэлмон может переводиться с английского как «лосось». – Примеч. ред.

2

RIP – «Покойся с миром» (лат.) – Здесь и далее примеч. пер.

3

Ни о чем не жалею (фр.).

Купить: <https://telnovel.com/t-richmond/po-ee-sledam-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)